

Эссенция

Артецу legion

Суть Эссенции

Артецу legion

Эссенция

«Автор»

2026

legion A.

Эссенция / A. legion — «Автор», 2026 — (Суть Эссенции)

Что, если вы построите идеальный город, а он начнёт пожирать вас изнутри? Артём Холодов верил, что Эссенция — это дар. Он создал Легионерию — место, где нет голода, войн и несправедливости. Но стены его рая стоят на фундаменте из тайн, а свет в его окнах питается тем, о чём нельзя говорить вслух. Когда город мечты становится тюрьмой — есть ли у его создателя шанс остаться человеком?

© legion A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Гениальный Безумец	5
Глава 2. Город Мечты	16
Глава 3. Несдержанное обещание	33
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Артецу legion Эссенция

Глава 1. Гениальный Безумец

Ты смотришь в отражение и не понимаешь его. Ты тянешь руку, но не можешь коснуться. И однажды ты разбиваешь зеркало — просто от бессилия. Но оно ни в чём не виновато. Оно лишь показывало то, что ты не готов был увидеть. И когда-нибудь кто-то разобьёт тебя — просто потому, что тоже не сможет понять.

Артём стоял в обшарпанном коридоре перед старой деревянной дверью. Из-за неё доносился приглушённый женский голос — текущий докладчик заканчивала выступление. Он следующий. Вместо того чтобы спокойно сидеть в зале ожидания, он вдавливал подошвы в вытертый до бетона пол и беззвучно повторял заученные фразы. Губы двигались сами. В руке — стопка бумаг, в которую были вложены последние четыре года его жизни. Если какая-то фраза выпадала из памяти, он скашивал глаза вниз, не поднося листы к лицу — боялся, что капля пота сорвётся и размажет чернила.

Хлопнула боковая дверь. Марина. В руке — расчёска, на лице — деловая сосредоточенность, которую он знал до мелочей: так она скрывала собственное волнение.

— А ну повернись! Волосы лежат неровно. Теперь порядок. А с брюками что? Не шевелись. Теперь порядок. Покружись. Вроде всё. Ты полностью готов.

Дверь служебного входа приоткрылась. Высунулся мужчина с планшетом, скользнул взглядом по коридору и негромко, но резко бросил:

— Хóлодов! Готовы?

Лицо Артёма напряглось. Дрожь пробежала от плеч к пальцам — бумаги едва слышно хрустнули.

Марина подалась вперёд, поднесла губы к его уху — он почувствовал тепло и запах её духов, тот самый, с нотками липы.

— Не волнуйся, дорогой. У тебя всё получится. Я в тебя верю.

Дверь распахнулась. Девушка-докладчик прошла мимо — бледная, с пустым взглядом, кажется, она даже не заметила их. Артём выдохнул и шагнул в проём.

Молодой аспирант встал у кафедры. Разложил бумаги — пальцы ещё подрагивали, и край листа долго не хотел ложиться ровно. Включил презентацию. На экране за его спиной зажглась первая схема. Зал молчал и ждал. Пять секунд тишины — длиннее, чем хотелось бы. Артём вцепился взглядом в верхний лист стопки, вдохнул через нос и начал.

Голос оказался твёрже, чем он ожидал. Слова, заученные до рвоты, пошли одно за другим — но теперь они звучали иначе. Не как репетиция. Как приговор старому миру.

— Уважаемый совет. Четыре года назад я задал себе вопрос: откуда берётся энергия? Не та, что мы жжём в топках. Не та, что мы ловим от солнца. А та, на которой стоит само пространство. Сегодня у меня есть ответ. Эссенция — это не топливо. Это ключ к структуре мироздания. И я научился его поворачивать.

Он говорил — и зал отступал. Лица в первом ряду расплылись в туман. Оставался только ритм речи и холодное, острое чувство: он прав. Он единственный прав. Артём чувствовал, как каждое слово падает в аудиторию и остаётся там, вращаясь в тишину.

А когда он закончил, тишина стояла уже другая. Густая, неподвижная. Члены совета переглянулись. Председатель склонился к седовласому профессору справа. Но Артём этого не видел. Он был уже не здесь.

Он стоял на площади, а вокруг теснилась толпа. Ему аплодировали все — те, кто сейчас молчал в зале, и те, кто ещё не знал его имени. Ему вешали на грудь медаль — тяжёлую, золотую, с профилем какого-то древнего короля. Где-то в столице закладывали его статую — бронза, три метра, рука простёрта вперёд. «Спасителю человечества». Нет, лучше: «Подарившему свет».

Артемом не заметил, как председатель тихо фыркнул и покачал головой. Он всё ещё стоял на пьедестале — мысленно.

— Нет, — наконец раздался твёрдый голос председателя.

Он откашлялся, и голос прозвучал уже громче, назидательно, обращаясь ко всему залу.

— Господин Холодов, вы говорите о революции. О даре. О новых законах. Это всё прекрасные слова, — Он сделал паузу, давая словам осесть, — Но наука, увы, строится не на словах. Где хотя бы макет вашего генератора? Где образец этой... «Эссенции», как вы её назвали? Вы не показали нам ничего, кроме графиков и формул, которые, простите, может нарисовать любой талантливый студент.

Он посмотрел прямо на Артема, и в его взгляде читалось не любопытство, а упрёк.

— Более того, ключевой момент — сам принцип образования энергии — остаётся загадкой. Вы говорите: «из структуры пространства». Что это значит физически? Какие частицы задействованы? Без ответов на эти вопросы ваш доклад — не более чем философское эссе. Очень поэтичное, но не основание для финансирования.

Нет...

Одно слово, оброненное без тени эмоций. Но для Артема оно прозвучало как взрыв, что в одно мгновение уничтожил всё — все надежды, все мечты. Он застыл, пытаясь убедить себя, что ему послышалось. Ведь это невозможно. Этого просто не может быть.

Голос председателя снова прорвался сквозь нарастающий звон в ушах, уже обращаясь к залу:

— Следующий докладчик.

Это вернуло его в реальность. Безразличный, деловой тон окончательно добил его. Артем развернулся и молча пошел прочь, оставив все свои бумаги и чертежи на кафедре. Ему было всё равно. Единственный шанс оказался пустой иллюзией.

Тяжёлая деревянная дверь открылась, и Артём с опустошённым взглядом направился в комнату ожидания. Мимо, едва не задев плечом, промчался парень со стопкой бумаг — уверенный, как будто его идею уже одобрили, а выступление было простой формальностью. Такой же, каким Артём был пятнадцать минут назад.

Он зашёл в комнату и медленно, почти осторожно закрыл за собой дверь. Марина застыла у окна. Ничего не сказала — она всё поняла по лицу.

Артём подошёл к столу. Положил ладонь рядом с чужой стопкой документов. Тяжело выдохнул и со всей силы ударил по бумагам — веером в стороны, на пол. Снаружи — движение, грохот. Внутри — ничего. Только разбитое, разъярённое, желающее уничтожить всё и вся.

Этот мир не достоин был такого гения. Он ненавидел его всей душой. Но сквозь ярость, как осколки стекла, проступала другая, более страшная эмоция — леденящее чувство полной, абсолютной безнадёжности.

Внезапно он почувствовал лёгкое прикосновение. Марина обняла его сзади. Нежно, но твёрдо. Не говоря ни слова. Он попытался вырваться, но ее объятие стало лишь крепче. И эта молчаливая поддержка растопила лед внутри. Ярость ушла, оставив после себя лишь горькую, выматывающую пустоту. Он просто стоял, опустив голову ей на плечо, и молчал.

В этот момент дверь тихо приоткрылась. В кабинете появился мужчина лет пятидесяти, с аккуратной седой бородкой. Его спокойный взгляд скользнул по разбросанным бумагам и остановился на Артёме. Он не выразил ни удивления, ни осуждения.

— Молодой человек, как будущий научный сотрудник, вы слишком резко реагируете на конструктивную критику...

— Замолчи! — рыкнул Артём, резко обернувшись. — Я не хочу ничего слышать. Председатель и его окружение — не дальновидные глупцы, они боятся за своё место под солнцем. Они не учёные, они бюрократы!

— Да, в чём-то я с вами согласен, — спокойно ответил мужчина, и это признание на мгновение озадачило Артёма. — Но вот мне интересно другое. Вы в своём выступлении пытались объяснить феномен через закон Провиалея? Я правильно понял? — Профессор достал из кармана потрёпанный блокнот и пробежался по записям. — И ещё я бы хотел спросить про исходный состав катализатора...

— Вы хотите забрать её? Мою идею? — Артём с презрением посмотрел на профессора. Глаза его ещё горели яростью, но голос стал тише.

— Нет. Мне это ни к чему. Я предлагаю сотрудничество. С вас — идея, с меня — реализация. Ведь не только я заметил ошибку в формуле Провиалея, верно?

Артём застыл. «Один из них — и предлагает союз? Но он заметил ошибку. Заметил...» — пронеслось в голове.

Марина прижалась к его уху и шепнула:

— Возможно, это твой шанс. Попробуй. И твоя мечта свершится, мой герой.

Секунд десять Артём стоял неподвижно. Мысли неслись, как скоростной поезд. Наконец он выбрал остановку.

— Хорошо. Я подумаю над вашим предложением.

Профессор чуть улыбнулся и протянул визитку.

— Позвоните, когда надумаете. Я понимаю ваш гнев. Но ваши идеи достойны того, чтобы их услышали. И ещё... — он задержал взгляд на Артёме чуть дольше, — запомните: добро — понятие растяжимое. Когда будете готовы — поговорим и об этом.

Он кивнул Марине и вышел так же тихо, как появился.

Встреча была назначена в старой университетской обсерватории, которую давно забросили в пользу нового корпуса. Пахло пылью, старыми книгами и озоном от древней аппаратуры. Профессор Орлов, в том же потертом пиджаке, встретил его у открытого чертежа какого-то сложного прибора.

— Вы пришли, — констатировал он, без упреков и улыбок, — Значит, готовы говорить, а не ломать мебель.

— Я готов слушать, — парировал Артём, стараясь сохранить холодную вежливость, — Вы задали конкретные вопросы. На часть из них я могу ответить.

Он подошел к доске, покрытой слоем пыли, и провел пальцем, оставляя четкую линию.

— Закон Провиалея был лишь отправной точкой. Моя модель уходит глубже. Эссенция — это не частицы в вакууме. Это возбуждение самого пространства. Но частота, амплитуда, точка приложения... Это и есть секрет. Мой секрет.

Родион Максимыч медленно кивнул, его глаза блестели живым, ненасытным интересом ученого.

— Понимаю. Вы опасаетесь, что ваше детище попадет не в те руки. Благородно. Но наивно. Любое открытие такой силы рано или поздно становится оружием.

— Именно поэтому я и хочу его контролировать! — голос Артема дрогнул, сбросив маску равнодушия, — Я не хочу, чтобы какой-нибудь генерал или корпорация получили ключ к бесконечной энергии! Я видел, к чему приводит жажда власти. Я хочу, чтобы эта энергия шла в дома, в больницы, в университеты! Чтобы она делала жизнь лучше, а не заканчивала ее! Я должен быть тем, кто будет управлять ею. Только так можно гарантировать, что она будет служить добру.

Профессор внимательно смотрел на него, и в его взгляде Артем наконец-то увидел не снисхождение, а уважение. Не к гению, а к убеждениям.

— Добро — понятие растяжимое, молодой человек, — тихо произнес профессор. — Но ваша решимость... она чего-то стоит. У меня есть лаборатория. Не в этом пыльном склепе, — он мотнул головой в сторону обсерватории, — а за городом. Старый бункер, крепкий, изолированный. Там есть все необходимое для базовых экспериментов. И там нет глаз совета.

Он сделал паузу, выдерживая напряженное молчание.

— Я еще раз предлагаю вам союз. Мои ресурсы, мой опыт и, что важнее, моя способность задавать правильные вопросы. Ваши идеи и ваша... одержимость. Лаборатория будет вашей. Вы согласны?

Артем смотрел на седого профессора, на его умные, уставшие глаза. Это был не покровитель. Это был партнер. И это был его единственный шанс.

— Я согласен.

Прошло полтора года...

Глухой удар из-за тяжелой бронированной двери прокатился по подвалу, заставив содрогнуться пробирки на полках. Артем бессильно опустил голову на пульт управления. Еще одна неудача. Очередная дорогостоящая установка превратилась в груды оплавленного мусора. Он потратил месяцы и огромные деньги профессора, пытаясь заставить Эссенцию подчиниться. И вот, в полной тишине, Артем и Родион Максимыч замерли у пульта.

— Включай, — тихо скомандовал профессор.

Артем повернул рубильник. В центре камеры воздух затрепетал. И на мгновение, всего на две секунды, в нем повисла небольшая розовая сфера. Из ее центра к стенкам камеры рванулись три-четыре ослепительные молнии-щупальца, прожигая воздух коротким грозным треском. Они были будто живыми — извивающимися, яростными.

А потом все исчезло.

В лаборатории воцарилась оглушительная тишина. Родион Максимыч первым нарушил ее, его голос дрожал от волнения:

— Стабильность! Целых две секунды! Данные записываются!

Артем медленно обернулся. Его лицо было бледным, но глаза горели.

— Она живая, Родион Максимыч, — прошептал он, — Она не хочет, чтобы ее заставляли. Она хочет... чтобы ей позволили быть.

В тот вечер они не работали. Они сидели, пили чай и молча улыбались друг другу.

Уставший, но окрыленный, Артем заскочил в свой любимый бар «Гараж» — подвальчик с кирпичными стенами, где висели старые автомобильные номера и пахло жареными крыльш-

ками. Его уже ждали за угловым столом: весельчак Гриша, спокойный Сергей и внимательная Ира.

— Ну что, гений, опять мир перевернул? — сходу подколот Гриша, пододвигая ему кружку пива.

Артем слабо улыбнулся, скидывая на соседний стул потрёпанную куртку.

— Почти. Сегодня она продержалась целых две секунды.

— Она? — переспросила Ира.

— Эссенция. Розовый шарик с молниями. Живой, кажется.

— Звучит как описание плохого тату, — фыркнул Гриша, но в его глазах читалось неподдельное восхищение.

Разговор тёл неспешно, перескакивая с работы на личные темы. Но потом взгляд Артема зацепился за экран над стойкой бара. Без звука шёл репортаж: толпа репортёров, суемящиеся полицейские, и крупным планом — лицо мужчины с пустым, холодным взглядом. Бегущая строка внизу сообщала: «...убийца семьи из трёх человек вышел на свободу по УДО...»

Артем помрачнел. Он отодвинул кружку.

— Вот видите? Снова это. Человек уничтожил три жизни, а его... «исправили» за пять лет. Выпускают, а его жертвы никогда не воскреснут. Это верх цинизма.

— Ты бы что сделал на месте президента? — спросил Сергей, откладывая телефон.

Артем ответил не сразу. Когда заговорил, голос его звучал холодно и ровно, как будто он читал приговор:

— Я бы нашёл способ таких людей обезвредить. Навсегда. Возможно, не убить, а лишить возможности причинять зло. Пожизненная изоляция. Или... что-то более действенное. Чтобы они физически не могли сделать больно другому человеку. Никогда.

Он продолжал смотреть куда-то сквозь стол, сквозь стены — в точку, которую видел только он. Ира отодвинулась чуть назад. Сергей кашлянул в кулак.

— Ну ты, конечно, придумал... — с усмешкой начал Гриша, но осёкся и уставился в свою кружку.

Спустя пару минут молчания тема сменилась, и друзья продолжили вечер. Но эти слова никто не забыл.

Артем вернулся из бара поздно. Ключ повернулся в замке с тихим щелчком. В прихожей горел ночник — Марина всегда оставляла его для него. В квартире пахло чаем и её духами, запахом, который когда-то был для него синонимом дома.

Он снял куртку и замер посреди гостиной. Его взгляд упал на фотографию на полке: они, мокрые до нитки, смеются под дождём, натянув его пиджак на головы. «Знаешь, почему вода проводит ток? Потому что в ней есть ионы. Противоположные заряды притягиваются. Вот как я к тебе...»

Это воспоминание ударило с неожиданной силой. Тогда мир был полон чудес, а её смех — самым важным открытием.

Из спальни послышались шаги. Марина вышла, заспанная, в его старой футболке.

— Ты вернулся... Всё хорошо?

— Да, всё нормально.

Его взгляд скользнул по ней — по её спутанным волосам, по знакомой, такой тёплой морщинке у глаза, — и вдруг оценил это. Оценил, как дорогой, но непозволительный груз. Нежность требовала времени. Времени, которое теперь безраздельно принадлежало Эссенции. Он мысленно отодвинул её образ в сторону, как отодвигают со стола чашку, когда нужно место для чертежа. Раньше он сказал бы что-нибудь ласковое, обнял. Теперь он просто проходил мимо, мыслями в лаборатории.

— Артем, мы можем поговорить? — тихо попросила она, следуя за ним на кухню.

— Сейчас не лучшее время, — он налил себе стакан воды, не глядя на неё. — Идёт очень сложная фаза. Ты же понимаешь.

Он не просто отказывался. Он ставил её перед выбором: либо ты на моей стороне и молчишь, либо ты — помеха. И он знал, что она выберет первое. Это знание давило на него тяжелее, чем прямая ссора. Он использовал её любовь как тихий инструмент для собственного спокойствия, и ему было за это противно — но не настолько, чтобы остановиться.

Она всё понимала. Слишком хорошо понимала. Она вспомнила, как год назад он сидел у её кровати в полной темноте, держа её руку, пока адская мигрень не отпускала. Он был её тылом. Теперь он был крепостью, стены которой сомкнулись вокруг его одержимости.

— Да, конечно, — прошептала она, — Я понимаю.

Он кивнул и направился в кабинет, к своим чертежам. Дверь за ним не закрылась, но образовавшаяся пустота в тихой квартире была ощутимее любой стены. Марина осталась одна, глядя на его спину. Он был здесь, в нескольких метрах, но его поглотил тот розовый, ненадёжный свет, что он научился удерживать на две секунды. А её мир, их общий мир, медленно гас.

Прошли ещё месяцы. Восторг от первых двух секунд стабильности давно испарился, сменившись унылым, выматывающим марафоном. «Розовый зверь» снова стал неуловим. Они перепробовали все. Результат был один: кратковременная, неконтролируемая вспышка и горы оплавленного дорожного оборудования.

Финансы Родиона Максимыча таяли на глазах. В его умных, уставших глазах Артем всё чаще ловил отблеск тревоги. Их диалоги свелись к сухим отчётам и горстке технических терминов.

— Частота не та, — констатировал профессор, глядя на свежие графики.

— Амплитуда скачет, — бурчал в ответ Артем, в сотый раз перепроверяя расчёты.

Стены лаборатории-бункера, некогда бывшие символом свободы, теперь напоминали камеру. Давление нарастало. Каждый провал отзывался в Артеме не только научной досадой, но и гложащим чувством вины. Он сжигал ресурсы и время человека, который поверил в него, и не мог отдать ему ничего, кроме обещаний.

Прошёл ещё месяц...

Артем стоял в наблюдательной комнате, вглядываясь в пустую кубическую камеру за бронированным стеклом. Тишину нарушал лишь монотонный гул приборов. Он механически потянулся к пульту, его пальцы сами нашли нужную клавишу.

— Запись 117, — сказал усталым голосом Артем, запуская протокол.

Он щёлкнул рубильником. И в тот же миг вжался в стекло.

В центре камеры, где должна была быть пустота, зависла розовая сфера. Но на этот раз всё было иначе. От неё к одной из стен тянулись две тонкие, ядовито-розовые молнии. Артем проследил за ними взглядом и замер.

На серой металлической поверхности сидела муха. Он даже не заметил, как она туда залетела. И теперь эти две нити энергии будто высасывали из неё жизнь. Муха судорожно дергалась, но не могла сдвинуться с места.

Сфера пульсировала.

— Восемь... девять... — Артем сам не заметил, как начал отсчёт, сжимая кулаки.

Сфера погасла ровно на десятой секунде. Молнии исчезли. Муха рухнула на пол камеры и затихла, лишь лапки мелко подрагивали.

В оглушительной тишине Артем смотрел, не веря своим глазам...

Восторг от открытия продержался ровно до утра. Когда в лабораторию привезли первую партию подопытных — мышей, крыс, — Артём застыл. Его взгляд упал на отдельный, маленький террариум. В нём сидела лягушка. Такая зелёная, с большими глазами. Не мышь, не грызун... амфибия. Следующая ступень сложности после насекомого. Теория требовала проверки.

Он просидел над расчётами ещё три дня, откладывая момент. Каждый раз, подходя к террариуму, он ловил себя на том, что ищет оправдание. «Это ради науки». «Это следующий необходимый шаг». «Она всё равно умрёт в естественной среде». Звучало фальшиво даже в его собственной голове.

На четвёртый день пришло понимание: либо сейчас, либо никогда. Калибровка прошла на автомате, осталось только поместить лягушку в камеру. Десять минут Артём смотрел на неё, вставал, собирался взять в руки и снова отворачивался. Но даже самая прочная стена когда-нибудь даст трещину.

«Во имя науки, ради человечества... Нет. Ради идеи», — пронеслось в голове. Он взял лягушку, положил на специально подготовленный стол, вышел и включил приборы. Одно нажатие — и животное будет убито.

Артём закрыл глаза. Рука дрожала так сильно, что по кнопке было легко промахнуться. Но пути назад не было.

— Время четыре часа утра. Эксперимент 0-А. Объект: амфибия. Цель: подтверждение гипотезы о зависимости стабильности от сложности организма, — дрожащим голосом проговорил он в диктофон и нажал на кнопку.

Когда розовая сфера погасла, график показал пятнадцать секунд стабильности — новый рекорд. Но Артём не почувствовал ничего. Только пустоту. И в этой пустоте родилось холодное, как металл камеры, знание: «Это работает. Я должен продолжать».

Он аккуратно, пинцетом, убрал тельце в контейнер для биоматериалов. Ровно в 6:30 утра он начал первый эксперимент с мышью №1. Рука, нажимающая кнопку активации камеры, не дрогнула. Но в первые три секунды, пока розовый свет набирал силу, его дыхание замерло. Он ждал не данных — он ждал, вернётся ли тот ком отвращения в горло, шемящее чувство вины. Не вернулись. Была только лёгкость, страшная и освобождающая, как будто с души скинули тяжёлый, ненужный груз.

И тогда пришёл страх. Не за животное — за себя. За то, с какой лёгкостью он перешагнул черту. «Убийца... Бесчеловечный...» — билось в голове. А следом, тихо и вкрадчиво: «Цель оправдывает жертвы».

К девятой мыши он выработал ритуал. Брал клетку, не глядя на само животное, называл его «носитель-девять». Включал запись, диктуя ровным, лишённым интонации голосом: «Эксперимент 24-Г. Запуск. Колебания в норме. Контакт. Носитель демонстрирует моторную активность... активность прекращается. Время стабильности — двенадцать секунд. Температура носителя падает. Вывод: ткань недостаточной сложности. Протокол завершён». Он выключал диктофон, вынимал объект из камеры и отправлял в холодильник для последующего анализа. Между «носителем-восемь» и «носителем-девять» он сделал глоток остывшего кофе. Разница была лишь во времени на графике. Теплота тела в его ладони не вызывала ничего, кроме желания скорее продезинфицировать перчатки.

Прошли недели. Артём работал с мрачной, автоматической жестокостью. Он больше не видел в подопытных живых существ — только потенциальные «сосуды». Мышь — 12 секунд стабильности. Таракан — 8. Лягушка — 15. Каждый раз Эссенция пожирала их изнутри, оставляя после себя лишь чуть тёплые, обездвиженные тела. Ни одна клетка, ни один организм не мог удержать её надолго. Они были как бумага, вспыхивающая на мгновение в пламени.

— Не та ткань... — бормотал он, вглядываясь в данные очередной неудачи. — Нужно что-то... сложнее. Выносливее.

Он перестал спать. Перестал отвечать на сообщения Марины. Его мир сузился до этой камеры, до графика стабильности и тихого предсмертного писка мыши, который он уже почти не слышал. В его глазах горел нездоровый огонь — смесь отчаяния и одержимости. Он был на грани. Ещё один шаг — и он готов был переступить через всё.

Артём снова и снова запускал эксперименты, а специально сконструированный им детектор — коробка с тремя светодиодами: красным, жёлтым и зелёным — безжалостно фиксировал провалы. Красный. Всегда только красный. Ни одно существо — ни мышь, ни крыса, ни крупный кролик, ни даже живая свинья — не давало жёлтого свечения, что там говорить о зелёном. Максимум — 10–20 секунд, и красный индикатор гасил хрупкую надежду.

После очередной попытки, когда детектор снова вспыхнул алым, предрекая скорый крах, Артём замер. Он смотрел на прибор, который сам и создал, как на своего судью. И приговор был всегда одним и тем же: «Недостаточно».

Тишина в лаборатории стала давить на уши, превращаясь в оглушительный звон. Он медленно подошёл к детектору и уставился на тёмный, никогда не зажигающийся зелёный индикатор.

— Почему?.. — прошептал он, и его голос сорвался. — Почему ничего не подходит?

Он схватил со стола стопку распечаток и с рыком швырнул их в стену. Бумаги разлетелись белым облаком. Он бил кулаками по металлическому столу, пока боль не пронзила костяшки, и с грохотом опрокинул стул.

— Что тебе надо?.. — прошептал он в пустоту, глядя на тёмный зелёный индикатор. — Покажи мне хотя бы жёлтый. Дай знак.

Он рухнул на пол среди хаоса, беззвучно рыдая, съёжившись. Он был сломлен. Он исчерпал все варианты в рамках разумного. И всё это было «недостаточно».

Средства Родиона Максимыча окончательно иссякли. Накануне профессор положил руку на плечо Артёму, его лицо было печальным и неумолимым, как приговор.

— Сын мой, это всё. Дальше — кредиты, долговая яма. Мы должны остановиться. Ненадолго. Годик-два. И, возможно, мы продолжим. Я на это надеюсь.

Эти слова повисли в воздухе лаборатории тяжелее свинца. Остановиться. Значит, все эти годы, вся одержимость, все жертвы — всё коту под хвост. Значит, Эссенция так и останется диковинкой, вспыхивающей на несколько секунд в подпольном бункере.

Артём сидел один в полной тишине, глядя на тёмный экран детектора. Зелёный индикатор так и не зажётся ни разу. Руки действительно опускались. Он был сломлен. Тишина давила на уши. Ему нужно было отвлечься. Хоть на что-то. Механическое действие. Исправить ошибку.

Его взгляд упал на экспериментальную камеру. Через бронированное стекло он заметил, что один из вспомогательных датчиков на стене слегка провернулся на креплении, вероятно, от вибрации последнего запуска. Нельзя. Нарушает калибровку. Даже сейчас, в аду отчаяния, этот беспорядок резал его инженерный глаз.

Он поднялся, шатаясь, подошёл к шлюзу. Воздух в камере был тяжёлым. Он поправил датчик, закрутил винт. Работа заняла пятнадцать секунд. Он развернулся, чтобы выйти, и его взгляд скользнул по главному индикатору состояния, вмонтированному в панель с наружной стороны стекла. И он увидел.

Ярко-красный светодиод «КРИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ», который не гаснул уже месяцы, изменил цвет. Он стал тёплым, уверенным, предупредительно-оранжевым. Надпись под ним теперь гласила: «ЧАСТИЧНАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ».

Артём застыл, вцепившись пальцами в косяк двери. Оранжевый. Не зелёный. Не «СТАБИЛЬНО». Но впервые за всю историю экспериментов — НЕ КРАСНЫЙ. Его мозг, выжженный дотла, лихорадочно работал. Почему? Что изменилось? Датчик? Нет, ерунда. Что ещё в камере?..

Он медленно обернулся, окидывая взглядом пустое, серое помещение. Пустое. Кроме него самого.

Удар осознания был тихим и леденящим. Камера была пуста для приборов. Но не для системы мониторинга. Он был внутри. Его биополе, его нервная система, его отчаяние — они были здесь. И система заметила. Она выдала диагноз: частичная совместимость. Одинокий человек — недостаточен. Но он — не ноль.

Он выскочил из камеры, захлопнул дверь и прислонился к холодной стене, не в силах оторвать взгляд от этого оранжевого, невероятного света. На столе завибрировал телефон. На экране — фото, где они все впятером: Марина, Гриша, Сергей, Ира... и он. Счастливые, живые, ничего не подозревающие.

В голове сама собой сложилась формула. Безупречная, как всё, что он выводил. Одинокое отчаяние — оранжевый. Но если взять пятерых? Их общая вера, их связь... Что это даст? Возможно, наконец, зелёный свет. Возможно, это уравнение имеет решение.

И тут же ударила мысль, от которой свело желудок: «Нет. Нельзя. Опасно для жизни. А вдруг что-то случится? Как можно причинить вред ни в чём не повинным людям?»

Он отбросил телефон. Прощёлся по лаборатории. Налил воды, но не выпил. Оранжевый индикатор горел за спиной, и он чувствовал его кожей. «Я просто приглашу их на экскурсию. Они же сами ждали. Марина умоляла "посмотреть на чудо". Друзья подшучивали. Они хотели верить».

Он снова взял телефон. Сообщение само складывалось из этих слов: «Приходите. Покажу чудо». Просто экскурсия.

«Что ж, они увидят самое великое чудо, — мысли потекли спокойнее, обретая холодную, почти убаюкивающую ясность. — Их восхищение станет последним, единственно честным оправданием всей моей жизни. Их вера сработает как финальный катализатор. Они отдадут моей идее то, чего не хватало бездушным животным, — человеческое признание. А я проверю свою теорию. Если всё будет так, как я предполагаю, Родион Максимыч поможет найти испытуемого. И тогда весь мир узнает, кто на самом деле прав».

Он нажал кнопку. Сообщение ушло: предложение, место, время. Пусть только посмотрят.

Пятеро человек стояли в тесной наблюдательной комнате. Гриша, Сергей, Ира, Марина и сам Артём. Помещение было заставлено аппаратурой — в полумраке мерцали экраны мониторов, тихо гудели серверные стойки и блоки управления, пахло озоном и нагретым пластиком. Вся эта техника, как замерший оркестр, была обращена к массивной стене из толстого бронированного стекла, за которым находилась пустая, серая, кубическая камера.

Гриша толкнул Артёма локтем и ухмыльнулся.

— Ну, гений, и где же твой знаменитый розовый фейерверк?

Ира осторожно водила пальцем по холодному корпусу монитора, разглядывая разъёмы и индикаторы, как музейный экспонат.

— А можно хоть внутрь зайти? Посмотреть на устройство вблизи? — спросила она, не оборачиваясь.

Артём колебался секунду. «Это безопасно. Сейчас идёт только калибровка». Он кивнул.

— Да, заходите. Только ничего не трогайте.

Гриша, Сергей и Ира по очереди прошли через шлюз в камеру. Марина осталась рядом с Артёмом. Она не смотрела на камеру. Она смотрела на него — и в её взгляде смешалось всё: тревога за эти долгие месяцы его отсутствия, усталость от ожидания и ещё что-то, чего он давно не видел. Надежда. Тихая, хрупкая, почти забытая. Она верила, что сегодня он вернётся к ней.

За стеклом Гриша дурашливо развёл руки, будто обнимая пустоту. Сергей, засунув руки в карманы, разглядывал датчики на стенах. Ира присела, проводя ладонью над полом, словно искала следы предыдущих экспериментов. Они осматривались. Обычная экскурсия.

И тогда детектор, который всегда горел красным, мигнул.

Жёлтый. Снова красный. А затем — медленно, неуверенно — зажёгся зелёный.

«СТАБИЛЬНАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ».

Артём застыл. Формула, которую он вывел из отчаяния, из оранжевого света собственного одиночества, подтвердилась. Один — оранжевый. Трое — зелёный. Их вера, их тепло, их присутствие замкнули уравнение. Вот оно, доказательство. Прямо перед ним.

В груди что-то оборвалось и одновременно встало на место. Он вспомнил лягушку, мышь, кролика. Они умирали, потому что были недостаточны. А этого — достаточно. Но что будет с ними? С теми, кто эту стабильность создал?

«Я просто проверю. Один короткий цикл. Может, они даже ничего не почувствуют».

Рука легла на главный рубильник.

Дверь захлопнулась. Оглушительный, нарастающий гул генераторов заполнил комнату. За стеклом экспериментальной камеры мир изменился. Воздух затрепетал и сгустился, наполняясь розовым сиянием. Это была не сфера, а туман — живая, дышащая энергия, застывшая наконец в стабильной форме. От этого облака во все стороны рванули ослепительные розовые молнии, жадно ошупывающие пространство.

Марина первой поняла. С криком, утонувшим в рёве механизмов, она бросилась на Артёма, её кулаки ударили его в грудь. Он отшатнулся, но не оторвал взгляда от камеры.

За стеклом Сергей, стоявший ближе всех к центру, перестал существовать. Без звука, без следа — только розовый туман качнулся и поплотнел. Ира застыла с открытым ртом; блуждающая молния прошла сквозь неё, и она рассыпалась светящейся пылью. Гриша продержался три секунды — прижатый к стеклу, он стал прозрачным, и очертания его тела растворились в сиянии.

Когда Эссенция поглотила троих друзей, она преобразилась. Густой розовый туман схлопнулся в пульсирующий шар, вокруг которого бешено вращались десятки мелких сфер, выбрасывая тонкие, смертоносные розовые молнии.

Оглушительный треск рвущегося металла и шипение испаряющегося бетона вернули Артёма к реальности. Инстинкт самосохранения заставил его рвануться к выходу. Он пробежал несколько метров и в ужасе обернулся.

Бронированное стекло пошло трещинами. Розовый свет сочился сквозь них, как кровь из раны. А затем стекло лопнуло — беззвучно, перекрытое рёвом генераторов, — и Эссенция вырвалась в наблюдательную комнату. Пульсирующий шар и рой мелких сфер вплыли в воздух, заполняя пространство гулом и жаром.

Одна из сфер прошла плечо Марины, вторая — живот. Она застыла; её глаза, полые от боли, были прикованы к нему. Третья прожгла грудь. Четвёртая, самая точная, прошла через лоб. Марина рухнула на пол; в её теле дымились четыре аккуратные, сквозные дыры.

Артём стоял, парализованный. Острая боль пронзила ногу — один из шариков задел его. Ещё один срезал безымянный палец и мизинец на левой руке. Третий опалил макушку. Он не кричал.

Он смотрел на тело Марины. На пустую камеру, где секунду назад были его друзья. На работающую, пульсирующую розовым светом Эссенцию — своё детище, свою мечту.

И тогда из его горла вырвался звук. Не крик, не рыдание. Короткий, сухой смешок. Тихий, горький — как будто кто-то сломал сухую ветку, и треск этот был единственным, что осталось от его души. Он смеялся над идиотизмом того, что совершил. Над собой, поверившим в формулу. Над миром, который позволил этому случиться.

Смех оборвался так же внезапно, как начался. Накатила тишина. А за ней — ничего. Пустота.

Он поднял с пола журнал наблюдений — машинально, как поправляют сбившийся галстук. Перешагнул через обломок стула. Открыл дверь в коридор, придерживая её плечом, потому что пальцев на левой руке не хватало.

Дверь закрылась за ним с тихим щелчком. В лаборатории остались только гул генераторов и розовый свет, льющийся из смотрового окна. Больше ничего.

Глава 2. Город Мечты

Ты строишь дом. Чертишь план. Закладываешь фундамент. Ты думаешь — это твой дом. Но однажды ты поймёшь: ты не архитектор. Ты — первый камень, который ляжет в основание чужого замысла. И трещина пойдёт не от стен. Она пойдёт от тебя.

Легион стоял у панорамного окна бывшего кабинета на десятом этаже, опираясь ладонью о прохладное стекло. За ним простирался Велинг, столица Мирана, погружавшаяся в вечер. Тысячи огней вспыхивали в наступающей темноте, и почти за каждым из них стоял он.

Но сейчас его взгляд был прикован не к городу. Перед ним, на голографическом экране, висела политическая карта мира — три цветных блока, разрезающих континенты. Он смотрел на неё уже несколько минут, и где-то на периферии сознания всплыло воспоминание — неясное, как старая фотография.

Аудитория. Гул голосов. Запах мела и дешёвого кофе.

Профессор Геннадий Кавалели, мужчина с густой шевелюрой, тронутой сединой, расхаживал перед доской, размахивая указкой, как дирижёрской палочкой. Артём Холодов сидел в третьем ряду, оглушённый масштабом собственных идей, и вполуха слушал.

— Ну вот, я Генка Кавалели, — начал профессор, подмигнув первому ряду. — И сегодня, вместо скучных дат, мы поговорим о самой большой драме в мире. О драме соседей, которые друг друга терпеть не могут, но вынуждены делить один подъезд. Представьте, что наша планета — это этакая общага. И в ней три самых главных объединения, которые вечно выясняют, кто кому должен за свет и кто оставил мусор в коридоре.

Он щёлкнул пультом. На экране возникла та самая карта — три цветных блока.

— Знакомьтесь. На лестничной клетке номер один — Единая Федерация. Наш «западный сосед», пусть будет Олег. Богатый, успешный, с самыми навороченными гаджетами. Олег свято верит, что его рецепт успеха — единственно верный для всех, и с удовольствием его навязывает. За деньги, разумеется. И очень не любит, когда его советы игнорируют.

Указка переехала на центральный блок, подсвеченный золотом.

— А это — Апостол. Наш «центральный сосед», Сергей. Несметно богат духом. Его квартира — это храм, и он искренне считает, что весь подъезд должен молиться так, как молится он. Стучится в каждую дверь с проповедью и готов крестить огнём и мечом. Спорить с ним бесполезно — он уверен, что за него говорит Сам Бог.

— Ну а наверху, — профессор поднял указку на восточный блок, окрашенный в багрянец, — живёт СОВН. Содружество Объединённых Восточных Наций. Это наш сосед Вася. Очень древний, очень многочисленный и невероятно роскошный, но только в своей гостиной. Пока он пьёт чай из золотых чашек, его дети делят одну кровать на пятерых. У Васи свои тысячелетние понятия о чести. Он смотрит на всех свысока, но внутри его дом трещит по швам.

Кавалели сделал драматическую паузу и обвёл указкой небольшую территорию, зажатую между тремя гигантами.

— А теперь, мои дорогие, самое интересное. Где же в этой общаге живём мы с вами? Наш Миран? — Он обвёл взглядом аудиторию. — А нигде. Мы — та самая квартира, которая не входит ни в одну из группировок. Мы — скромная комнатка в самом конце коридора, где живут сами по себе. Нас не защищает никто, кроме нашей собственной смекалки. Мы для них — поле для мелких стычек, разменная монета и лакомый кусок, который каждый хотел бы

присоединить к своей зоне влияния. Наше спокойствие куплено лишь тем, что эти трое пока не могут поделить, кому же мы должны принадлежать.

Легион моргнул, и воспоминание рассеялось. Он снова был в своём кабинете, перед картой мира. Только теперь эта карта не была абстрактной лекцией. Теперь это было игровое поле.

«Вы были правы», — подумал он без тени ностальгии. «Миран действительно был комнаткой в конце коридора. Но вы не учли одного: один из ваших студентов решил не ждать, пока соседи его сожрут. И построил свой собственный дом».

Он коснулся сенсора, и карта сменилась детальной схемой острова.

Тихий, но настойчивый стук в дверь вырвал Легиона из раздумий.

— Войдите.

Дверь открылась бесшумно. В кабинет вошёл секретарь — молодой человек лет двадцати пяти, худощавый, в очках в тонкой металлической оправе. Двигался он быстро, но говорил тихо и чётко, почти бесстрастно.

— Господин Легион, данные с четвёртого сектора. Эксперимент завершён. Предварительная оценка — семьдесят восемь из ста. Команда просит разрешения на повторный цикл.

Легион медленно повернул голову и протянул руку. Секретарь вложил папку в его ладонь.

— Семьдесят восемь... Посредственно. Полагаться на одно лишь количество — путь в никуда. Качество решает всё.

Артём открыл папку, пробежал глазами по графикам. Цифры плыли, не цепляя внимания.

— Есть ещё одна новость, — продолжил секретарь тем же ровным тоном. — От Борикии пришёл официальный ответ. Профессора Родиона Максимыча они не выпускают. Наши запросы привлекли к нему внимание. Их спецслужбы вычислили, что он обладает ценными знаниями. После третьей официальной просьбы его окончательно заперли в стране.

В воздухе повисла тишина. Секретарь замер, ожидая реакции.

Легион не пошевелился. Только пальцы правой руки, сжимавшие край папки, побелели на мгновение — и тут же расслабились.

Перед глазами встала картина: Родион Максимыч стоит у него за плечом — не в этом кабинете, а там, в старом бункере, среди оплавленного оборудования — и, хмурясь, заглядывает в те же графики. «Амплитуда скачет, Артём. Частота не та».

Он захлопнул папку — резче, чем собирался.

— Вот оно как, — произнёс Легион.

Два слова. Ни угрозы, ни гнева. Только холодная констатация — и в ней было больше обещания, чем в любой ярости.

— Подготовьте новое досье. Все контакты профессора, все научные связи. Если Борикия хочет играть в эту игру — мы изучим правила досконально.

Секретарь коротко кивнул и бесшумно вышел.

Легион подошёл к окну. Город за стеклом жил своей жизнью, но Артём его не видел. Он видел только усталые глаза старого профессора — единственного, кто поверил в него тогда, когда весь учёный совет вынес приговор.

«Вытащим», — подумал он. — «Не сейчас. Но вытащим».

И эта мысль была единственной тёплой за весь вечер.

Воздух в зале дворца официальных приёмов был густым и неподвижным. Сюда, по личным приглашениям, доставленным курьерами в чёрной униформе, съехались те, кто определял будущее континента. Министры обороны с каменными лицами. Банкиры с цепкими, взве-

шивающими взглядами. Учёные — этих выдавали чуть дрогнувшие пальцы и голодный блеск в глазах.

Их собрала не дипломатия. Их собрала одна на всех потребность — узнать цену чуда.

Дверь в глубине зала открылась беззвучно. В проёме стояли двое. Высокий, с военной выправкой, и приземистый, словно высеченный из гранита. Фреско и Ут. Они отступили в стороны, открывая три объекта на низких вращающихся платформах.

— Дамы и господа, — голос Фреско дрогнул, выдавая с трудом сдерживаемый восторг, — то, что вы сейчас увидите, изменит всё. Нам выпала честь перевернуть страницу истории. И мы приглашаем вас прочесть её вместе с нами.

Он подошёл к первому объекту — массивному устройству из матового металла и полированного стекла, внутри которого медленно вращалось веретено розового света.

— «Соланум». Он растит вещи. Представьте: вместо того чтобы сваривать грузовик по кусочкам целую неделю, вы получаете цельный кузов за трое суток. Без швов. Без слабых мест. Металл, выращенный как кристалл — прочнее титана, легче алюминия. И никаких отходов.

По залу пробежал ропот. Промышленники подались вперёд, забыв про свои бокалы. Фреско перешёл ко второй платформе — стойке с мерцающими чёрными блоками.

— «Соргум». Вычислительный кластер, который моделирует процессы, неподвластные обычным суперкомпьютерам. Формирование галактик. Климат планеты на столетия вперёд. То, на что у науки уходили годы, он делает за часы.

Взгляды учёных стали почти осязаемыми. Фреско остановился у третьего аппарата.

— И наконец, «Аллиум». Он не диагностирует. Он предвидит. Видит раковую клетку за пять лет до того, как она станет угрозой. Находит бляшку в сосуде, когда она тоньше волоса. Ваш личный страж здоровья.

Зал взорвался возгласами. Ут молча наблюдал, и в его молчании было больше смысла, чем в чужих овациях.

Фреско поднял руку, призывая к тишине.

— А теперь позвольте передать слово господину Легиону.

Он жестом указал в сторону. Легион сидел чуть поодаль от общего стола, в тени, опираясь на резную трость. Он поднялся, и тишина наступила мгновенно — как будто кто-то выключил звук.

— «Соланум», «Соргум», «Аллиум», — произнёс он негромко, но весомо. — Первые ласточки. Ещё двенадцать устройств находятся в разработке. Пятнадцать прорывов, которые изменят всё: промышленность, транспорт, связь, медицину.

Он сделал несколько шагов вдоль платформ.

— В знак доброй воли Легионерия предоставит Мирану тысячу единиц каждого из трёх устройств. Бесплатно. Пусть ваши инженеры, врачи, учёные увидят их в деле. Пусть возникнет спрос. А когда вы поймёте, что возвращаться к старым инструментам уже невозможно — мы начнём продавать эссенцию для их питания.

Он выдержал короткую паузу.

— Но не сегодня. Сегодня мы лишь сеем семена.

Кто-то из миранских делегатов восхищённо выдохнул. Арамиицы переглянулись, подсчитывая будущие прибыли.

— Есть ли вопросы?

Шум поднялся мгновенно. Десятки голосов слились в многоголосый гул — банкиры хотели знать цифры, промышленники — сроки, военные — мощь. Легион стоял неподвижно и ждал.

Сквозь хаос поднялась рука. Всего одна.

Пожилой мужчина. Сухощавый, в скромном сером костюме, который резко контрастировал с роскошью зала. Не министр, не банкир. Скорее — профессор, из тех, кто всю жизнь задаёт неудобные вопросы, потому что не умеет иначе.

Зал начал затихать.

— Прошу, — Легион кивнул ему.

Профессор поднялся. Говорил он тихо, но в наступившей тишине его услышал каждый:

— Вы даёте нам ключи. Но замки остаются у вас. Если завтра поставки вашей энергии прекратятся — заводы встанут, больницы ослепнут. И мы окажемся не партнёрами, а просителями. Скажите прямо: кому вы служите?

Повисла тишина. Фреско чуть напряг скулы. Ут перевёл взгляд на Легиона.

На одно короткое, невыносимое мгновение Артём увидел другой зал. Меньше. Беднее. Дрожащие руки на кафедре. Ледяное молчание совета. И одно слово: «НЕТ».

Он моргнул. Зал вернулся. Профессор всё так же смотрел на него поверх очков.

— Я служу прогрессу, — ответил Легион. Голос был спокойным, как линия горизонта. — Прогресс не спрашивает разрешения. Те, кто боится зависеть от будущего, остаются в прошлом. Я предлагаю вам шаг вперёд. Сделаете вы его или нет — решать вам.

Он обвёл зал спокойным, властным взглядом и добавил:

— Остальные вопросы — к господам Фреско и Уту. У них есть все необходимые цифры и полномочия.

С этими словами он развернулся и направился к боковой двери, оставляя за спиной нарастающий гул — восторженный, жадный, спорный.

Машина остановилась у особняка поздно вечером. Легион вышел, опираясь на трость, и на секунду замер, глядя на освещённые окна второго этажа. Там, за стеклом, двигались тени — жена укладывала сына.

В прихожей пахло чаем и чем-то сладким. Елена вышла навстречу в домашнем платье, с лёгкой улыбкой, которая всегда была чуть настороженной — как будто она заранее готовилась к тому, что разговор будет коротким.

— Ты сегодня рано, — сказала она.

— Презентация закончилась, — ответил он, снимая пальто. — Решил заехать. Как Андрей?

— Хорошо. Успехи в математике. Учитель говорит, схватывает быстрее всех в классе.

Артём кивнул. Математика — это хорошо. Она очень пригодится.

Из гостиной послышались быстрые шаги. Андрей выбежал в коридор — худенький, светловолосый, в пижаме. Он затормозил в двух шагах от отца и замер, как солдат перед командиром. Не бросился обнимать — знал, что отец этого не любит.

— Пап, — сказал он. — Я ждал.

Легион посмотрел на него сверху вниз.

— Ты уже должен спать, — сказал он ровно.

— Я хотел спросить. А правда, что ты построил целый город?

— Правда.

— А почему мы там не живём?

Артём чуть сузил глаза. Не от неожиданности — от оценки. Мальчик задаёт правильные вопросы.

— Потому что город ещё не готов. Когда всё будет закончено, ты и мать переедете. У тебя там будет своя комната. И свой наставник.

Андрей помолчал, затем сунул руку в карман пижамы и вытащил сложенный лист бумаги.
— Я нарисовал для тебя. Вот.

Легион взял лист, развернул. Башня. Мост. Крошечные человечки. И одна фигура отдельно, выше остальных — с тростью.

— Это ты, — пояснил Андрей. — Ты самый главный, поэтому стоишь выше всех.

Артем смотрел на рисунок с холодным, расчётливым удовлетворением. Мальчик понимает иерархию. Уже сейчас.

— Неплохо, — сказал он. — Оставлю себе.

Он убрал лист во внутренний карман пиджака. Андрей выпрямился, явно довольный скупой похвалой.

— Теперь спать. Завтра у тебя школа.

Андрей послушно развернулся и пошёл в свою комнату. У двери обернулся:

— Пап, а когда я смогу поехать в город?

— Когда будешь готов.

— А когда я буду готов?

— Я скажу.

Андрей кивнул и исчез за дверью. Артем повернулся к Елене. Она стояла у входа в кухню, сложив руки на груди. В её взгляде не было упрёка — она давно приняла правила игры. Но было что-то ещё. Усталость, может быть. Или ожидание, которому она перестала давать название.

— Через восемь месяцев, — сказал он, не дожидаясь вопроса. — Инфраструктура будет готова. Тогда переедете.

— Хорошо, — ответила она.

Больше ни слова. Ни объятий, ни просьб остаться. Она знала: он не останется.

Легион развернулся и вышел. В машине, уже отъезжая от ворот, он достал из кармана рисунок, ещё раз посмотрел на человечка с тростью — и убрал обратно.

Мальчик станет тем, кем нужно. Не просто сыном. Продолжением...

Машина выехала за ворота КПП и направилась к Артерии. Легион сидел на заднем сиденье, откинувшись на подголовник. Мысли текли ровно: стройка, графики, запуск «Вавилона». Всё по плану.

Мост показался впереди — белоснежная лента, парящая над водой. Машина въехала на пролёт. Полпути осталось позади.

Грохот ударил откуда-то сзади. Водитель рефлекторно нажал на тормоз, машину повело, но он тут же выровнял руль. В зеркале заднего вида полыхнуло. Одна из центральных опор заволоклась дымом.

— Гони, — сказал Легион.

Водитель ударил по газам. Машина рванула вперёд, через несколько секунд вылетела на островную сторону и остановилась.

Артем вышел из машины. Воздух пах гарью. Мост за спиной дымился, но стоял.

Он поднял браслет к лицу:

— Демозт.

«Слушаю», — раздался синтезированный голос.

— Протокол «Карантин». Остров закрыть. Все передвижения запретить. Воздушное и морское пространство — под контроль.

«Выполняю».

Легион опустил руку и повернулся к мосту. Искусственный интеллект уже разворачивал сеть блокировок, но сейчас это было фоном. Главное находилось перед глазами: оплавленный металл, чёрные подтёки на бетоне, запах взрывчатки.

Через двадцать минут прибыли Кварц и Ут. За ними — группа следователей. Ут встал рядом с Легионом. Кварц сразу ушёл к повреждённой опоре, но быстро вернулся.

— Вероятно взрывное устройство с магнитным креплением. Установить могли только во время последнего планового ремонта опоры две недели назад. Таймер или дистанционный детонатор — выясняем.

— Здесь находились восемь человек из ремонтной бригады, — добавил Ут. — Надо всех задержать. Дам команду Демозту, чтобы проанализировал их контакты.

Легион не отрывал взгляда от опоры. Дым ещё поднимался, но ветер уже разгонял его в сторону океана.

— Мотивы? — спросил он.

— Возможно запугать, — сказал Ут. — Показать, что до нас могут дотянуться. Или проверить системы реагирования.

— Профессиональная работа, — довольно тихо сказал Кварц. — Ни следов, ни свидетелей. Если бы крепление сместили на полметра — мост бы рухнул.

Легион повернулся к ним:

— Допросить строителей. Прямо сейчас. Результат нужен к утру.

Ут кивнул. Артем сел в машину.

— В НИИЛ, — сказал он водителю.

Машина развернулась и поехала в глубь острова.

Через два часа в подземном изоляторе шли допросы. Одного из ремонтников, молодого парня с трясущимися руками, сломали первым.

— М-мне заплатили, — выдохнул он, вжимая ладони в виски. — Половину до, по... половину после. Я... Я не знаю, кто они.

Когда Фреско доложил это Легиону, тот стоял у карты мира в своём кабинете.

— Заказчика установить пока невозможно, — закончил Фреско.

— Пока, — произнёс Легион. Он провёл пальцем по карте, не глядя на собеседника. — Предателя — в камеру высшей строгости. Без контактов. Он ещё понадобится.

Артем чуть помолчал, затем добавил — тихо, будто для себя:

— Либо технократы из Единой Федерации, либо фанатики из Апостола. Больше некому.

Кварц приехал на площадку Северного Двора рано утром. Строительство шло третий месяц без перерыва. Три смены, круглосуточно. Бетон, композит, стекло — материалы поступали бесперебойно. Вдоль будущих улиц уже поднимались каркасы жилых корпусов, а чуть дальше, у холма, гудели экскаваторы — там рыли котлован под административный центр.

Но люди начинали сбойть.

У главного корпуса его ждал Ут. Он стоял, скрестив руки, и смотрел, как рабочие выгружают арматуру. Их движения были точными, но заторможенными — как у людей, которые не спали больше суток. Один из них, совсем молодой, пошатнулся под тяжестью прута, и напарник едва успел подхватить груз.

— Темпы падают, — сказал Ут вместо приветствия.

— Вижу, — ответил Кварц, не глядя на него.

— Третья авария за неделю. Вчера парню раздробило пальцы. Сегодня другой не удержал балку. Хорошо, никого не задело.

— Замени травмированных. Свежие бригады уже прошли подготовку.

Ут покачал головой:

— Свежие бригады не знают площадки. Им нужно время на адаптацию. А мы гоним их в забой, как скот.

Кварц наконец повернулся:

— Мы строим город, Ут. Не санаторий. Если люди устают — это означает, что они работают. Если они ошибаются — это означает, что их нужно заменить. Всё просто.

— Просто? — Ут сжал челюсть. — Ты хоть раз спускался к ним? Говорил с ними?

— Мне не нужно с ними говорить. Мне нужно, чтобы они делали свою работу.

Ут шагнул ближе:

— Люди — не ресурс. Они ломаются. И когда они ломаются, это становится проблемой. Моей проблемой. Твоей проблемой. Если ты не понимаешь этого сейчас — поймёшь, когда у тебя на площадке ляжет целая смена.

Кварц выдержал его взгляд:

— Тогда мы поднимем следующую. Всегда есть следующая смена.

Повисла тишина, тяжёлая и плотная, как воздух перед грозой. Где-то вдалеке взревел сигнал крана. Рабочие продолжали таскать арматуру, не подозревая, что двое людей, управляющих их жизнями, только что упёрлись в невидимую стену.

Их прервал голос Фреско — он подошёл незаметно, как всегда. В руке — планшет с планом застройки.

— Достаточно.

Оба повернулись к нему.

— Ут прав насчёт усталости, — сказал Фреско ровно. — Кварц прав насчёт темпов. Оба правы, и это ничего не меняет. График не сдвинется. Легион ждёт результат через три месяца.

Он помолчал, затем развернул планшет к ним:

— Но есть кое-что ещё. Я смотрел схему. Медицинский центр смещён слишком сильно к северной окраине. Чтобы добраться до него из южных кварталов, потребуется больше десяти минут. Для скорой помощи это много. Очень много.

Ут нахмурился и склонился над схемой. Кварц бросил быстрый взгляд на план.

— Если мы подвинем центр южнее, — продолжил Фреско, водя пальцем по экрану, — то вместе с ним сместится и прилегающий квартал. Тот, где планировалось жильё для персонала больницы. А на старом месте останется пустырь. Медикам он без надобности — они и так переедут ближе к новому корпусу. А вот исследователям он в самый раз: у них лаборатории разрастаются, опытных участков не хватает. Так что пустырь отойдёт к ним. И больница получит выезд на южную магистраль, и учёные — лишний гектар под свои теплицы. Все в плюсе.

Ут медленно кивнул, всё ещё глядя на схему:

— Это разумно. Но потребуется перекроить три квартала. И перенести коммуникации.

— Значит, перекроим, — сказал Фреско. — Лучше сейчас, чем когда сюда заедут люди и мы поймём, что скорая не успевает.

Кварц молчал. Затем поднял глаза от планшета:

— Я пересчитаю логистику. Если цифры сойдутся — дам добро.

Фреско кивнул:

— Вот и хорошо. Найдите способ сделать так, чтобы люди не ломались. Или найдите новых людей. Но стройка не остановится. Точка.

Он развернулся и пошёл к машине. Ут выдохнул, глядя ему в спину. Кварц уже открывал свой планшет, просматривая свежие сводки. Спор закончился. Работа — нет.

Воздух в подземном зале был густым и тяжёлым. Пахло озоном, раскалённым металлом и ещё чем-то — едва уловимым, сладковатым, как после грозы. Гул «Вавилона» заполнял собой всё пространство, становясь физическим давлением на барабанные перепонки.

Легион, Ут и Винстон Провиаль стояли перед гигантским сооружением. «Вавилон 0.67» — экспериментальная модель, оплетённая паутиной кабелей и охлаждающих трубок, — гудел уже несколько месяцев, но дальше пробных запусков дело не шло. На портативных терминалах плясали графики, и ни один из них не дотягивал до нужной отметки.

— Проблема не в мощности, — Провиаль ткнул пальцем в спираль на экране. Его халат был испачкан чем-то, что когда-то было мелом. — Мы повышаем концентрацию, но растёт энтропия. Эссенция ведёт себя не как газ или плазма. Она пытается вывернуться. Наши сдерживающие поля её разрывают.

— Упростите, — сказал Легион.

Провиаль развёл руками:

— Представьте, что вы пытаетесь удержать в ладонях не воду, а чистое давление. Чем сильнее сжимаете, тем больше оно хочет вырваться. Мы дошли до критического порога. Дальше — либо прорыв, либо стагнация.

— Усилить магнитные катушки? — предложил Ут.

— Это не вопрос силы! — Провиаль закатил глаза. — Мы бьём кувалдой по часовому механизму. Нужна не сила, а точность. Нужно изменить саму геометрию поля, найти гармонику, на которой эссенция согласится сжаться, а не взорваться.

Он вызвал на экран новую схему — переплетение синусоид и фракталов.

— Стандартное поле — это ровный, монотонный гул. Оно слишком глупое. Эссенция же пульсирует. У неё есть свой ритм. Мы пытаемся загнать джазовую импровизацию в рамки военного марша. Нужно не давить, а подыграть.

Легион медленно провёл пальцем по схеме:

— Динамическая стабилизация. Поле, которое не постоянно, а меняется, подстраиваясь под её внутренние колебания.

— Именно! — лицо Провиала озарилось. — Я двадцать лет назад вывел формулу для статичных полей. Мёртвых, застывших, как бетон. А теперь смотрю на эссенцию и понимаю: она живая. Пришлось изменить собственную формулу — совсем чуть-чуть, но теперь она описывает не мёртвые поля, а живые. И знаете, что самое странное? Она легла на поведение эссенции так, будто я писал её именно для этого дня. Словно знал заранее. Словно она ждала, пока мы дорастём.

Он тряхнул головой и добавил уже деловитее:

— Правда, теперь понадобятся сверхпроводящие сплавы нового типа. Катушки будут работать на грани расплава.

— Сверхпроводники — моя задача, — сказал Ут, уже доставая планшет. — Добуду.

— А алгоритмы — моя, — добавил Легион. — Я перенаправлю вычислительные мощности Демозта. Мы найдём эту гармонику.

Он посмотрел на бушующий в камере розовый свет.

— Она не хочет, чтобы её заставляли. Она хочет, чтобы ей позволили быть. Что ж... мы найдём с ней общий язык.

Три недели спустя они снова стояли в подземном зале. Ут выполнил обещание: новые катушки, отливающие синевой сверхпроводящего сплава, были установлены. Демозт завершил перепрограммирование управляющих матриц. На главном экране замерла идеальная симуляция

— пульсирующее динамическое поле и внутри него стабильная, невероятно плотная сфера, излучающая ровное, мощное сияние.

— По расчётам, всё сходится, — сказал Провиаль. Голос его дрожал. — Если реальность не подведёт — мы стоим на пороге.

— Запускайте, — сказал Легион.

Провиаль повернул рубильник.

«Вавилон» взревел. Пол под ногами завибрировал — мелко, противно, как перед землетрясением. Свет в зале моргнул. Один из техников вскрикнул, указывая на камеру: розовый туман внутри неё начал сжиматься, уплотняться, превращаясь в шар. От него во все стороны рванулись тонкие, ядовито-розовые молнии — и исчезли, втянувшись обратно, будто шар вдохнул их.

А затем всё стихло.

В центре камеры висела сфера. Ровная, стабильная, пульсирующая мягким светом. Ни молний, ни выбросов. Только гул — низкий, уверенный, как аккорд гигантского органа.

— Концентрация — сорок процентов, — выдохнул Провиаль. — Получилось. Восемь колб в час на стартовой мощности.

Ут, обычно невозмутимый, с силой ударил ладонью по металлическому столу. По его лицу расплылась редкая, почти забытая ухмылка. Провиаль расхохотался, не в силах сдержать нервное напряжение последних недель.

Легион не улыбнулся.

Он смотрел на розовую сферу. Смотрел, как она пульсирует — размеренно, как сердце. И на одно короткое, невыносимое мгновение ему показалось, что внутри этого света проступило лицо.

Он моргнул. Лицо исчезло. Только сфера — ровная, стабильная, мёртвая.

— Начинайте производство, — сказал он. Голос прозвучал ровно. — Теперь у нас есть ключ ко всему.

Михаил Кайлаев пятый час сидел над чужим кодом. Душный офис, пропитанный запахом дешёвого кофе и застарелой пыли, давил на виски. Перед ним на экране висела кривая схема — наследие какого-то безымянного предшественника, которую требовалось заставить работать. Он правил уже третью сотню строк, вымарывая откровенный мусор и пытаясь не думать о том, что весь этот модуль проще было бы выбросить и написать с нуля. Но контракт требовал «точечных исправлений».

В углу монитора висела неприметная табличка «Лучший сотрудник квартала» — третий месяц подряд. Никто в офисе уже не спрашивал, почему её не снимают.

Дверь открылась без стука. Михаил поднял голову.

Трое. Чёрная униформа. Логотип Легионерии на груди — стилизованная спираль, врезанная в круг. Тот самый знак, который он видел в новостях и на обложках профильных журналов. За их спинами мялся Игорь Петрович, начальник отдела, — бледный, с нервной испариной на лбу.

— Михаил Сергеевич, — голос у Игоря Петровича сел, — это... это к вам. Из Легионерии.

Старший из троих, мужчина лет сорока с военной выправкой и спокойным, цепким взглядом, сделал шаг вперёд. Двое других остались у двери.

— Господин Кайлаев. Меня зовут Виктор. Отдел кадрового резерва и адаптации, Легионерия. — Он говорил негромко, но каждое слово ложилось весомо. — Месяц назад вы подали заявку на участие в открытом отборе. Конкурс завершён. Вы заняли первое место.

Михаил открыл рот, закрыл, снова открыл. Месяц назад он действительно заполнил какую-то анкету на сайте Легионерии — сложную, многоэтапную, с задачами, которые выжгли ему мозг на три ночи подряд. Он тогда думал, что это просто утечка его амбиций в никуда. Такие конкурсы выигрывают гении, а не парни, которые правят чужой код в душном офисе.

— Первое место, — повторил он хрипло. — Вы... простите, вы уверены?

— Абсолютно, — Виктор позволил себе короткую, едва заметную улыбку. — Ваши решения на всех этапах оказались лучшими. Особенно финальная задача — оптимизация распределённых вычислений. Никто из конкурентов не дал такой же чистый результат.

Михаил почувствовал, как вспотели ладони. Он вытер их о брюки, не заботясь о том, как это выглядит.

— Ваш текущий работодатель, — Виктор кивнул на Игоря Петровича, — согласился расторгнуть контракт. Мы выплатили компенсацию.

— Миша, я всегда говорил, что ты у нас звезда! — вклинился Игорь Петрович, и его голос дал петуха. — Талант! Я же тебя с первого дня приметил, помнишь?

— Помолчите, — сказал Виктор, не повышая тона и не оборачиваясь.

Игорь Петрович осёкся на полуслове. Стало слышно, как на потолке гудит вентилятор.

Виктор перевёл взгляд обратно на Михаила:

— Легионерия ждёт вас. Работа, которую вам предстоит выполнить, изменит всё, что вы знали о программировании. Это не поддержка чужого кода. Это архитектура будущего.

Михаил сглотнул. Где-то в глубине сознания прозвенел тревожный звоночек — он даже не понял, что именно его насторожило, — но вместе с ним пришло и другое. Чувство, которого не было уже много лет. Чувство, что он сейчас стоит на пороге чего-то настоящего.

— Что я должен ответить? — спросил он.

— Правду, — сказал Виктор. — Хотите вы этого или нет.

Михаил оглянулся. Экран с кривой API-схемой всё ещё горел, но строки кода уже казались чужими. Он посмотрел на Игоря Петровича — тот вжал голову в плечи.

Он повернулся к Виктору.

— Да. Конечно, да.

Виктор кивнул — без лишних слов, как будто другого ответа и не ждал.

— Тогда собирайтесь. Вас заберут через 2 дня.

Автобус мчался по прибрежному шоссе. В салоне, кроме Михаила, было ещё человек пятнадцать — мужчины и женщины, от двадцати с небольшим до седых профессоров. Кто-то смотрел в окно, кто-то перелистывал планшет, двое в заднем ряду вполголоса обсуждали архитектуру нейросетей. По обрывкам фраз Михаил понял, что один из них — автор того самого метода сжатия данных, о котором он читал в профильном журнале.

Девушка через проход, светловолосая, с живыми карими глазами, повернулась к нему:

— Вы тоже победитель? Я вас раньше не видела среди финалистов. Вы по какому направлению?

— Программирование. Алгоритмы распределённых сетей.

— О, так вы конкурент тому парню сзади, — она улыбнулась. — А я Алиса. Биоинформатика. Тоже прошла отбор, только по медицинскому профилю. Честно говоря, до сих пор не верится. Пять этапов, и с каждым казалось — ну всё, сейчас отсеют.

— Мне тоже, — признался Михаил.

Алиса кивнула, глядя в окно:

— Я уверена, Легионерия не ошиблась. Они выбрали нас — значит, мы действительно лучшие.

Впереди показался пропускной пункт.

КПП выглядел внушительно — серые бетонные стены, колючая проволока поверху, вышки с затемнёнными стёклами по углам. Въезд в суперзасекреченный объект, не меньше. Автобус плавно затормозил перед массивными воротами.

— Всем выйти, — скомандовал Виктор, поднимаясь с кресла. — Проходим полный досмотр.

Их выстроили в колонну по одному. Вещи — отдельно: каждую сумку, каждый рюкзак выкладывали на ленту сканера, а двое охранников в чёрной униформе вручную перебирали содержимое. Автобус тем временем осматривала группа с переносными детекторами — заглядывали под сиденья, в багажный отсек, даже в моторный щит. Воздух гудел от приборов.

Михаил прошёл через рамку. Его попросили поднять руки, провели сканером вдоль тела — медленно, сантиметр за сантиметром.

— Внешний аккумулятор, — сказал охранник, кивая на правый карман.

— Он мне нужен для работы.

— Понимаю. Устройство будет проверено и возвращено в течение недели. Таковы правила.

Михаил выложил аккумулятор в лоток. Рядом Алиса рассталась с пачкой сигарет — табачная продукция на острове запрещена. Седой профессор в очках — с флеш-картой, которую не смогли идентифицировать. Кто-то из пассажиров молча сдал перочинный нож, кто-то — коробку с лекарствами без рецепта. Никто не спорил.

Виктор, стоявший у края досмотровой зоны, произнёс, ни к кому не обращаясь:

— Через неделю привыкнете. Безопасность здесь — не просьба, а состояние среды.

Когда все вернулись в автобус, ворота открылись, и машина въехала на Артерию.

Мост захватывал дух.

Белоснежная лента, парящая над бирюзовой водой. Ажурные пилоны уходили в небо, и казалось, что автобус не едет, а летит. Михаил прильнул к стеклу. Он видел фотографии Артерии в новостях, но реальность оказалась другой — объёмной, дышащей.

— Красиво, — тихо сказала Алиса.

— Да, — только и смог ответить Михаил.

За мостом дорога уходила в глубь огромного острова. Впереди показалась развилка на три направления. Автобус взял центральное.

За вторым КПП — меньше первого, без вышек, но с такими же бетонными стенами и колючей проволокой — досмотр прошёл быстрее: только сканер лиц и рамка металлодетектора. Когда ворота открылись, за ними не было города.

Пустое поле. Почти без травы — ровная, выглаженная земля, уходящая к горизонту. И только вдалеке, километрах в трёх, поднимались первые здания.

— Первое кольцо безопасности, — пояснил Виктор. — Сейчас мы едем через пустую зону. Потом будет Стена — её только начинают строить, вы увидите каркас. Потом ещё одна пустая полоса. И только потом — жилые кварталы. Легионерия строится кольцами. Город, пространство, Стена, пространство. Если кто-то захочет до нас добраться — ему придётся пересечь всё это.

Автобус проехал мимо каркаса будущей Стены — стальные опоры, пока ещё редкие, уходящие в обе стороны насколько хватало глаз. За ней снова потянулось пустое поле, а потом на горизонте выросли здания.

Настоящие. Живые.

Жилые корпуса из белого композитного бетона и зеркального стекла. Зелёные зоны, встроенные прямо в архитектурные ансамбли. Фонарные столбы вдоль улиц — строгие, чёрные, выдержанные в едином стиле. Дроны, бесшумно курсирующие по воздушным коридорам.

— Сейчас мы проезжаем жилой комплекс «Верхний Свет», — произнёс Виктор. — Ваш будущий дом.

Автобус миновал квартал, где экскаваторы с непривычно тихим ходом рыли котлован, а рабочие в обычных касках монтировали каркас очередного здания. Михаил проводил их взглядом и повернулся к окну — впереди выростало нечто грандиозное.

Огромное здание с зеркальным фасадом, уходящим ввысь на десятки этажей. Перед ним раскинулся парк — почти готовый, с выложенными дорожками, молодыми деревьями и фонтаном в центре. Рабочие укладывали последние плиты.

— Научно-исследовательский институт Легионерии, — произнёс Виктор, и в его голосе впервые за всю поездку прорезалось что-то, похожее на гордость. — Кайлаев, ваша остановка здесь. Остальные едут в отель «Мерцание» до распределения.

Автобус остановился у входа в парк. Стеклопакеты НИИЛ блестели в конце аллеи. Михаил поднялся и шагнул в проход.

Холл встретил его прохладой и стерильной чистотой — белый пол, панели с мягкой подсветкой, охранник за стойкой, который даже не спросил пропуск, а просто кивнул, узнав Виктора. Поднялись на лифте. Этажи мелькали на дисплее — семь, девять, одиннадцать.

На четырнадцатом лифт остановился, и двери открылись в просторный кабинет.

Михаил ожидал роскоши — золота, бархата, чего-то показного. Но кабинет поражал не богатством, а математической точностью линий. Панорамное окно во всю стену открывало вид на город. Письменный стол из чёрного стекла — пустой, если не считать встроенного терминала. У стены — стеллаж с книгами, настоящими, бумажными, и несколько голографических схем, висящих прямо в воздухе.

Когда Михаил вошёл, Легион стоял у окна, опираясь на трость. Кварц сидел за столом, листая что-то на планшете, и поднял голову первым.

— А, Кайлаев. Проходите. Садитесь.

Михаил сел. Кресло оказалось удобнее, чем он ожидал. Кварц отложил планшет и посмотрел на него с лёгким, почти неуловимым любопытством.

— Кофе?

— Нет, спасибо. То есть да. Если можно.

Кварц хмыкнул и коснулся сенсора на столе. Легион тем временем отвернулся от окна. Он двигался неспешно — не из-за трости, а из-за той особой, тяжёлой уверенности, которая заставляет людей замолкать ещё до того, как он откроет рот.

— Михаил Кайлаев, — произнёс он. — Вы лучше всех справились с финальной задачей. Результаты остальных были слабее.

— Но если бы я отказался, — осторожно заметил Михаил, — вы бы позвали кого-то другого.

— Разумеется, — спокойно подтвердил Легион. — Место не осталось бы пустым. Но позвали мы вас. И вы согласились. Остальное не имеет значения.

Он опустился в кресло напротив. Между ними оказался только стол — чёрный, пустой, отражающий свет панорамного окна.

— Вы знаете, зачем вы здесь?

— В общих чертах, — сказал Михаил. — Виктор упомянул, что меня ждёт серьёзная работа. Что-то связанное с энергосетями.

— Верно, — Кварц пододвинул к нему чашку кофе, возникшую из недр стола. — Проект «Демозт-2». Полная перестройка ядра системы управления энергосетями. Сейчас сетью управляет Демозт первого поколения — искусственный интеллект, который мы запустили на старте строительства. Но его архитектура проектировалась под город в сто тысяч человек. А мы строим город на полмиллиона. Старое ядро не выдержит. Нужен новый мозг. И мы хотим, чтобы его написали вы.

Михаил взял чашку, чтобы скрыть дрожь в пальцах. Кофе был чёрный, без сахара — как он любил. Случайность?

— Я могу спросить? — произнёс он.

— Спрашивайте, — сказал Легион.

— Почему я? В мире полно программистов сильнее меня. Те, кто пишет ядра для государственных систем. Те, у кого опыт в разы больше.

Кварц откинулся в кресле:

— Вы были лучшим по результатам. Но не единственным. Если бы вы отказались, мы бы позвонили тому, кто занял второе место. Потом третьему. И так далее. Но вы согласились. И ваш алгоритм мне понравился больше прочих. Он элегантнее. И с этим мнением согласился Демозт.

— Демозт?

— Да. Он участвует в отборе кандидатов.

Михаил отпил кофе. Искусственный интеллект, для которого ему предстояло написать преемника, только что одобрил его кандидатуру. Это было... странно.

— Что именно от меня потребуется?

— Полный цикл, — ответил Кварц. — Архитектура, ядро, интерфейсы взаимодействия с энергосетью. Срок — полтора года. Команда — пятнадцать человек, лучшие из тех, кого мы смогли найти. Вы будете руководить группой.

— Я никогда никого не руководил.

— Будете учиться, — сказал Легион. — У вас есть неделя на адаптацию. Осмотритесь, изучите документацию, познакомьтесь с командой. Потом приступите.

Повисла небольшая пауза. Михаил допил кофе и вдруг понял, что разговор подходит к концу. Но у него оставался ещё один вопрос — тот, который вертелся на языке с самого начала.

— Можно ещё?

Легион кивнул.

— Что вы строите? — спросил Михаил. — Я видел город. Он прекрасен. Но я не могу понять... зачем? Для кого? Что должно здесь произойти такого, чего не может произойти в обычном мире?

В кабинете стало тихо. Кварц отвёл взгляд к планшету. Легион смотрел на Михаила — не с раздражением, не с подозрением. Скорее с холодным, оценивающим интересом.

— В обычном мире, — произнёс он, — учёные просят разрешения на исследования. Инженеры ждут бюджета. Врачи работают на устаревшем оборудовании, потому что новое слишком дорого. Талантливые люди годами сидят в душных офисах, правя чужой код, потому что никто не даёт им шанса написать что-то с нуля. — Он сделал паузу. — Этот город построен для того, чтобы убрать все эти «потому что». Чтобы наука стала законом, а не просьбой. Чтобы порядок был нормой, а не исключением. Вы спрашиваете, для кого? Для вас. Для таких, как вы.

Михаил молчал. Слова Легиона звучали слишком правильно. Слишком точно совпадали с тем, что он сам чувствовал все эти годы.

— Идите, — сказал Легион. — Завтра у вас знакомство с командой. А сегодня — отдыхайте. Вы долго ехали.

Михаил поднялся. Кивнул, понимая, что ничего умнее кивка сейчас не родит. Дверь за ним закрылась с тихим щелчком.

Он стоял в коридоре и смотрел на панораму города за стеклянной стеной. Где-то там, за парком и фонтаном, его ждал автобус до «Верхнего Света». Квартира на тридцать втором этаже. Новая жизнь.

«Этот город построен для вас», — повторил он про себя слова Легиона.

И впервые за много лет почувствовал, что находится именно там, где должен быть.

Подземный испытательный зал был меньше того, где запускали «Вавилон», но воздух здесь казался тяжелее. Пахло горячим металлом, разогретой изоляцией и чем-то едким — недавно закончили калибровку новых излучателей. Вдоль стен тянулись кабельные трассы, под

потолком гудели вентиляционные короба, а в центре, на массивной стальной платформе, стояло устройство, напоминающее короткий проектор. Напротив него, в двадцати метрах, закрепили мишень — бронированную плиту с датчиками.

Кайлай стоял чуть поодаль от пульта, рядом с Легионом и двумя инженерами в тёмно-синих халатах. Защитное стекло отделяло их от испытательной камеры — бетонного мешка с обугленными стенами, который помнил не один десяток тестов. На стекле, прямо в воздухе, висела голографическая разметка: зоны поражения, векторы атак, прогноз расхода.

— Протокол «Щит», — сказал один из инженеров, сверяясь с планшетом. — Устройство готово. Начинаем с огнёмёта, затем криокамера, баллистика. Запуск по команде.

Легион чуть качнул тростью:

— Начинайте.

Инженер коснулся сенсора. Зарокотали накопители, частота пошла вверх, и воздух перед устройством затрепетал, сгущаясь в розовую полусферу. Щит возник за полторы секунды — плотный, сияющий, пульсирующий ровным, живым светом.

Первым ударил огнёмёт. Струя пламени охватила полусферу, но та не дрогнула — только свет стал чуть ярче, поглощая жар. Затем включили криокамеру: минус восемьдесят, обжигающий холод, от которого бетонные стены покрылись инеем. Щит вспыхнул чуть глубже, отозвался волной тепла — и выровнялся.

— Целостность — сто процентов, — доложил инженер.

Со снайперской винтовки ударили трижды. Пули превратились в брызги расплавленного металла, не долетев до поверхности.

— Целостность — сто процентов, — повторил инженер. — Расход эссенции за полный цикл — две целых три десятых колбы.

В голосе его звучало удовлетворение. Но Кайлай смотрел на цифры, и в груди у него медленно холодело. Две и три десятых колбы. Одна колба «Вавилона» могла питать целый госпиталь в течение суток. А здесь она уходила за минуту испытаний.

— Это очень много, — сказал он негромко.

Легион, не оборачиваясь, ответил:

— Это защита. Она и должна тратить много.

— Но я видел энергобаланс города. Если таких установок будет хотя бы десять...

— Будет больше, — прервал его Легион. — Значительно больше.

Кайлай замолчал. Он вспомнил каркас Стены, мимо которого проезжал неделю назад. Пустое поле перед ней. Второе кольцо безопасности. Город, который строится как крепость. Тогда это казалось разумной предосторожностью. Теперь — подготовкой к чему-то, чего он пока не понимал.

Его размышления прервал лёгкий, почти неуловимый сбой.

Когда установка сбрасывала поле и готовилась к повторному циклу, сервопривод правого наведения дёрнулся с едва заметной задержкой — на долю секунды позже левого. Микроскопический дисбаланс, который обычный наблюдатель вряд ли заметил бы. Но Кайлай был программистом, годами вылавливавшим баги в чужом коде, и его мозг мгновенно зафиксировал аномалию.

— Там ошибка, — сказал он. — В управляющем контуре. Правый привод обрабатывает с задержкой. Миллисекунд десять, может, пятнадцать.

Оба инженера посмотрели на него. Тот, что держал планшет, нахмурился:

— Мы калибровали систему вчера. Допуск в пределах нормы.

— Норма — это когда симметрично, — возразил Кайлай. — А у вас правый отстаёт. Я смотрел логи на вчерашней выгрузке. Вы используете синхронный цикл опроса датчиков, но сами датчики асинхронные. Система думает, что оба привода получили команду одновременно, а на деле правый ждёт лишние миллисекунды. Это не механика. Это код.

Инженер открыл рот, но Легион поднял ладонь, и он осёкся.

— Продолжай, — сказал Легион, глядя на Кайлая.

— Код слишком длинный, — Кайлай уже не мог остановиться. — Три уровня вложенных проверок, хотя хватило бы одного. И модуль компенсации инерции написан так, будто его автор не знал, что сервоприводы уже имеют встроенную коррекцию. Он работает, но неоптимально. Из-за этого на каждом цикле теряется энергия. Немного, но в режиме постоянной нагрузки набегит прилично.

Повисла пауза. Инженеры переглянулись. Легион медленно перевёл взгляд с Кайлая на установку, затем обратно.

— Вот поэтому ты здесь, — сказал он. — Не для того, чтобы восхищаться. Для того, чтобы видеть то, чего не видят другие. — Он кивнул в сторону Щита. — Ты найдёшь эту ошибку. И все остальные. На это у тебя есть полтора года.

— Я думал, моя задача — «ДемоэТ-2», — осторожно заметил Кайлай.

— Твоя задача шире, — ответил Легион. — Ты отвечаешь за всё, что управляется кодом в этом городе. А это почти всё.

Кайлай промолчал. Он смотрел на дымящуюся стальную плиту в камере, на розовый отблеск Щита, на инженеров, которые теперь глядели на него не с раздражением, а с настороженным уважением. Что-то щёлкнуло в сознании, сложилось, как строчка кода, которая наконец-то заработала после сотни правок.

Он больше не был в душном офисе. Он больше не правил чужой код. Он держал в руках систему, от которой зависела защита целого города. И жизни людей, которые в этом городе будут жить.

Это место меняло мир — он понял это не умом, а где-то глубже, почти на уровне инстинкта. И то, что открывалось ему сейчас, пугало ровно настолько же, насколько завораживало.

Легион развернулся к выходу. У двери он обернулся:

— Завтра жду первые предложения по оптимизации. Спокойной ночи.

Кайлай остался в лаборатории. Один из инженеров кашлянул и молча протянул ему планшет с логами. Он взял его и начал читать. Строки кода поплыли перед глазами — но теперь он видел в них не баги. Он видел архитектуру. Архитектуру места, которое только начинало открывать ему свои секреты.

Осень подошла к концу. Парк перед НИИЛ уже не выглядел новостройкой — деревья прижились, фонтан работал без перебоев, а дорожки, ещё недавно пахнувшие плиточным клеем, теперь были просто дорожками. По вечерам на скамейках собирались сотрудники — кто с планшетом, кто с термосом, — и Кайлай иногда замечал, что город перестал быть стройкой. Он стал местом, где люди живут. Работают. Привыкают к тому, что закат над промзоной отливает розовым. В один из таких вечеров Легион вызвал всех в кабинет.

Ночной город за панорамным окном напоминал схему, которая оживала на глазах. Огни «Верхнего Света» складывались в ровные линии проспектов. Дальше, в промзоне, темнели корпуса цехов. И даже там, где ещё полгода назад лежало пустое поле, теперь горели цепочки фонарей: строители сдавали новый квартал.

Легион стоял у окна, опираясь на трость, и смотрел на это дольше обычного. Он видел не просто город. Он видел уравнение, которое наконец-то начало сходиться.

За спиной молча ждали. Фреско — у стеллажа, скрестив руки на груди. Ут — у края стола, перекатывая в пальцах какую-то мелкую деталь, то ли болт, то ли переходник, который

он машинально прихватил из цеха. Кварц сидел с планшетом, не читая, просто держа ладонь на выключенном экране. Они собрались пять минут назад, но никто не произнёс ни слова. Ждали.

Дверь открылась. Кайлай замер на пороге — он всё ещё не привык к этим совещаниям, хотя прошло уже полгода. Кивнул, скользнул вдоль стены и встал рядом с Кварцем, стараясь не шуметь.

Легион повернулся.

— Собрались, — констатировал он.

Кварц выпрямился в кресле. Ут перестал крутить болт. Фреско чуть развернул плечи — едва заметно, но этого хватило, чтобы тишина в кабинете стала внимательной.

— Полгода, — произнёс Легион. — Ровно полгода с того дня, как в эту комнату вошёл пятый.

Он кивнул на Кайлая. Тот выдержал взгляд, хотя желваки заиграли.

— Я хочу, чтобы каждый из вас сейчас отложил текущие задачи и посмотрел на картину целиком. Северный Двор сдан на девяносто процентов. Ещё в начале года мы спорили, успеет ли инфраструктура к заселению. Сегодня там заканчивают парк. Город расширяется с опережением графика на две недели. Демоэнт переписывается — и переписывается умнейшими умами этого города.

Он перевёл взгляд на Кайлая. Тот коротко кивнул.

— Всё идёт по плану, — продолжил Легион. — Но есть одна вещь, которую план не учитывает. Деньги.

Ут перестал крутить деталь. Кварц поднял голову от планшета.

— Строительство первой очереди съело резервы быстрее, чем мы рассчитывали. Чтобы продолжать в том же темпе, нам нужны новые вливания. Значит, нужно больше продавать приборов. А чтобы больше продавать, нужны новые рынки. Новые союзники.

Он коснулся сенсора на столе. В воздухе развернулась политическая карта — три цветных блока и множество мелких точек между ними.

— Сегодня утром пришло сообщение из Тулики, — произнёс Легион. — Это область внутри Апостола, которая не поддерживает власть королевства. У них там новая волна агрессии. Фанатики жгут деревни, обещают вырезать всех, кто не принимает их учение. Тулика просит помощи. Любой помощи.

Фреско чуть сузил глаза:

— Хотят, чтобы мы вмешались?

— Хотят выжить, — ответил Легион. — Им нужны союзники. Им нужны ресурсы. Им нужно всё, что у нас есть.

Он обвёл взглядом присутствующих:

— Мы уже сейчас должны помогать соседям. Не из благотворительности — из расчёта. Сегодня мы дадим им свет. Завтра они дадут нам рынок. Послезавтра — военный союз. А когда три гиганта начнут делить коридор — маленькие страны встанут за нами.

Он сделал паузу. Огни за окном мигнули — где-то включили резервный контур.

— В этом кабинете собрались пять человек, — произнёс Легион. — Лучший аналитик континента. — Он посмотрел на Фреско. — Лучший инженер из всех, кого я знаю. — Взгляд на Ута. — Лучший управленец, способный развернуть целую отрасль за месяц. — Кивок Кварцу. — Лучший программист, который видит код не глазами, а позвоночником. — Кайлай чуть выпрямился. — И я, — он выдержал короткую паузу, — человек, который собрал всех вас в одной комнате.

Тишина в кабинете стала другой — не напряжённой, а наполненной.

— Полгода назад это были чертежи и котлованы, — сказал Легион, кивнув на окно. — Теперь это город. Ещё полгода — и слово «Легионерия» станет синонимом того, о чём другие боятся даже мечтать.

Он взял трость и сделал шаг к столу.

— Завтра каждый из вас получит новые вводные. Фреско — анализ Тулики и сопредельных территорий. Ут — расчёт себестоимости массового производства приборов. Кварц — логистика будущих поставок и квоты для новых союзников. Кайлай — у тебя «Щит» и Демоэт.

— Он помолчал. — Вопросы?

Вопросов не было.

Легион кивнул и направился к двери. У выхода он обернулся:

— Когда-нибудь о том, что мы делаем, напишут. Не сегодня и не завтра. Но напишут.

Дверь закрылась. В кабинете остались четверо. За окном, в огнях «Верхнего Света», медленно гасли последние окна. Город засыпал. Его создатели — нет.

Глава 3. Несдержанное обещание

Можно ли построить мир без трещин? Да. Надо лишь выжечь всё живое из его основы. Заменить дёргающийся нерв — стабильным током, а сомнение — безоговорочным приказом. Это и называют силой. Но совершенный механизм, лишённый трения, перестает чувствовать собственный износ. Он работает — ровно, неумолимо, прекрасно — пока не разлетится вдребезги от первой же песчинки, попавшей в его стерильное сердце. И песчинкой этой всегда оказывается то, что когда-то выжгли с такой тщательностью: простая, непросчитанная человечность.

Огни Легионерии сияли в ночи. Не просто горели — именно сияли, как самоцветы, вшитые в чёрный бархат мира. Город, выросший из мечты, был готов бросить вызов самой смене дня и ночи; казалось, в его центре всегда будет длиться один, идеально выверенный день, где нет места для случайных теней.

Легион стоял у панорамного стекла своего кабинета на вершине башни НИИЛ. Его взгляд скользнул по сияющим проспектам, по крышам «Верхнего Света», и опустился вниз, прямо к подножию цитадели. Там был уже полностью готовый общественный сад. Привезённые взрослые деревья тянули к ночному небу первые ветви, между ними аккуратно легли плиточные дорожки. Порядок. Красота.

Трость в его руке, опора, давно ставшая частью образа, слегка дрогнула. Деревянная рукоять, отполированная временем и хваткой, дала почти незаметную трещину у самого основания. Как и всё в последнее время.

— Отчёт из Тулики, — раздался позади спокойный, ровный голос.

Кварц стоял в нескольких шагах, его поза была такой же безупречной, как и его светлые, тщательно уложенные волосы. Высокий, с широкими плечами, он казался полной противоположностью своему повелителю. На его лице не было и тени измождённой усталости.

Легион не ответил. Цифры он уже знал.

— Полторы тысячи наших лучших бойцов, — голос Кварца не повышался, оставаясь ровным, как дикторский. — Обученных, экипированных по последнему слову техники. Против сброда из «Воя Господа». — Он сделал микроскопическую паузу. — Наши потери: четыре убитых. Сто семнадцать раненых, из них тридцать четыре — тяжело.

— Фанатики, — прошипел Легион, и его пальцы снова сжали трость так, что трещинка у основания угрожающе хрустнула. — Они не сражаются по правилам. Не берут плен. Их тактика — массовый напор, готовность умереть, лишь бы утянуть с собой хоть одного «еретика».

— Именно. Их превосходство не в тактике, а в свирепости, — констатировал Кварц. — Наш расчёт, наша дисциплина разбиваются о волну слепой, животной ярости. Они не боятся смерти. А страх — основа любой рациональной тактики.

Легион закрыл глаза. Перед ним всплыли не схемы, а лица. Молодые лица первых добровольцев, поверивших в его идею, согласившихся на эксперименты, горевших желанием защитить новый мир. Теперь четверо из них были холодными трупами где-то в горах Тулики, а их кровь стала политическим капиталом его врагов.

— Новости, — продолжил Кварц, словно читая его мысли. — Весь мир говорит об этом. «Армия Легионерии — карточный домик». «Дорогая игрушка для парада, а не для войны». — Он на секунду запнулся. — Один из высокопоставленных советников в Парламенте Единой

Федерации, комментируя ситуацию, заявил, что «если такого стража можно так легко растрепать, то и его хозяина, наверное, свергнуть будет не сложнее, чем отобрать конфету у ребёнка».

В кабинете повисла тишина, густая, звенящая. Гул города не доносился сюда, на эту высоту. Было слышно лишь прерывистое, слишком громкое дыхание Легиона.

Он чувствовал, как внутри закипает ярость. Унизительная, бессильная ярость животного, загнанного в угол и осмеянного. Его пальцы побелели, вцепившись в трость. Ему хотелось взречь, разнести вдребезги этот свой идеальный, стерильный кабинет, швырнуть в лицо Кварцу и всему миру их насмешки.

Эмоция — слабость. Эмоция — уязвимость. Эмоция — это шум, мешающий слышать ткань часов истории.

Мысли пронеслись, как холодные искры по проводам. Он вдохнул. Выдохнул. Мышцы спины, собравшиеся в тугий узел, медленно расслабились. Ярость не ушла. Её просто не стало. Её выжгли, как выжигали всё живое из основы его мира. На её месте осталась ледяная, кристаллическая пустота.

Он повернулся. Его лицо было маской. Только в глубине глаз, там, где горел розовый отсвет, пламенела не эмоция, а нечто иное — решимость, выкованная в унижении и огне необходимости.

— Что предлагаешь? — его голос прозвучал тихо, без единого колебания.

Кварц встретил его взгляд. В его глазах не было ни страха, ни сочувствия. Только холодная аналитика.

— Собрать совет. Фреско, Ут, Кайлай. Обсудить всерьёз то, о чём Уолисс твердит уже полгода. Милитаризацию. Не наёмников со старым железом, а создание собственной военной доктрины. Где нашим единственным козырем будет не численность, а качество. Где этим качеством будет... — он сделал едва заметную паузу, — эссенция.

Артем замер. Слово повисло в воздухе, как приговор.

— Нет. — Голос Легиона прозвучал тихо, но с такой силой внутреннего убеждения, что он перекрыл любой возможный шум. — Оружие из Эссенции не должно существовать. Оно не должно появиться на свет.

Он сделал шаг вперёд, и тень от его фигуры упала на Кварца.

— Если мы начнём сеять страх, мы станем такими же, как они. На страхе не построить ничего, кроме тюрьмы. Империя... — он с презрением выплюнул слово, — мне не нужна. Мне нужен Город. Идеальный Город. Он будет чистым. Без этой... грязи.

Он снова повернулся к окну, к сияющим огням своего безупречного, беззащитного детища.

— Тогда следующие потери будут больше, — сказал Кварц без напора, просто констатируя факт. — И город, который ты строишь, останется без защитников.

Диалог был окончен. Кварц коротко кивнул и вышел. Дверь закрылась с мягким щелчком.

Легион остался один — с тишиной, с городом и с треснувшей тростью в побелевших пальцах.

Кадр был стабильным, но картинка на экране будто дрожала от напряжения. Студия новостей «Глобус-24» была выдержана в холодных сине-стальных тонах, что лишь подчёркивало бледность лица ведущей.

«...поступают противоречивые данные, но, по последним сводкам наших корреспондентов на границе, операция Легионерии по «стабилизации обстановки» в Тулике близка к коллапсу.»

На экране смонтировали карту с анимированными красными вспышками в районе горных перевалов.

«Из полутора тысяч элитных бойцов, направленных для защиты гуманитарных коридоров, в строю остаётся менее двухсот. Остальные — убиты, ранены или отрезаны от основных сил. Как стало известно нашему агентству, командование Легионерии отдало приказ о срочной эвакуации всех своих подразделений на территорию Мирана. По сути, это признание полного провала.»

Изображение сменилось на трясущуюся любительскую съёмку: дым, крики, и на фоне — узнаваемая угловатая форма бронезилета легионера, лежащего неподвижно в грязи. Кадр был быстро вырезан, но он уже сделал своё дело.

Ведущая, Арика Сомова, повернулась ко второму ведущему в студии. Её улыбка была профессиональной и совершенно безжизненной.

«У нас на связи из студии в Велинге — профессор истории и политологии Миранского университета, Геннадий Кавалели. Геннадий Станиславович, ваша оценка происходящего? Ведь ещё месяц назад многие называли эту операцию «демонстрацией новой военной элиты».»

Камера выхватила знакомое лицо. Генка Кавалели, без своего привычного хулиганского блеска в глазах, сидел, откинувшись в кресле. Его густые, тронутые сединой волосы были чуть растрёпаны, а взгляд из-за очков в толстой оправе был непривычно острым и мрачным.

«Спасибо, Арика. «Демонстрацией» это, безусловно, было. Вот только демонстрировали они не силу, а поразительную, я бы сказал, академическую глупость.»

Его голос, обычно гремевший на лекциях, сейчас был низким и размеренным, словно он читал надгробную речь.

«Легион, или Артем Холодов — гениальный физик. Возможно, величайший за последние столетия. Но он — не политик. Не стратег. И точно не понимает, с чем столкнулся. Он полез в Тулику как студент-отличник с учебником по термодинамике тушить лесной пожар. Он считал, что всё решают технологии, дисциплина и правильные расчёты.»

Кавалели снял очки и жестом усталости протёр переносицу.

«А столкнулся он с «Воем Господа». Это не армия. Это — стихия. Религиозный фанатизм, обращённый в оружие. Этим людям не нужна тактика. Им не нужна победа в нашем, земном понимании. Им нужно свидетельство — кровь «неверных» как подтверждение их истины. Против такой силы бессильны любые, самые совершенные инструкции. Её можно либо сломать тотальным, беспощадным уничтожением — тем самым, от которого Легион, по его же словам, и убежал строить свой город-мечту. Либо не лезть вовсе. Он выбрал худший из вариантов — полумеру. И получил закономерный результат: гибель своих людей и насмешки всего мира.»

Арика кивнула, на её лице застыла маска внимания.

«Вы считаете, его политика управления несостоятельна?»

«У него нет политики! — Кавалели резко надел очки, и его взгляд снова упёрся в камеру. — У него есть чертёж. Идеальная схема идеального города. Но город — это не только здания и генераторы! Это — люди! Их страхи, их амбиции, их глупость! Этим он презирает управлять. Он просто отгораживается стеной и надеется, что всё сложится само. Это не правление. Это — побег в детскую песочницу, куда он не пускает других детей, потому что они могут сломать его куличики.»

В студии повисла тяжёлая пауза. Кавалели сделал глубокий вдох, собираясь с мыслями для главного удара.

«Но вот в чём заключается настоящая, чудовищная опасность, о которой все сейчас говорят шёпотом, а надо кричать. Этот человек, который не понимает ни политики, ни челове-

ской природы... он держит в руках ключ. Ключ от энергии, мощь которой мы даже до конца не осознаём. Он одним движением пальца может осветить мегаполис или оставить его в каменном веке. И что самое страшное — мы не знаем, что у него в голове. Мы видим лишь результат: он проиграл маленькую войну и был унижен. А что делает обиженный гений, запертый в своей идеальной крепости, обладающий силой, сравнимой с ядерным арсеналом великих держав?»

Он откинулся в кресло, и его следующая фраза прозвучала с леденящей душу отчётливостью:

«Если завтра у него щёлкнет в голове и он решит, что весь наш прогнивший, несовершенный мир не заслуживает существования рядом с его чистым Городом... что мы сможем ему противопоставить? Ракеты? Его новомодный «Щит», наверное, сможет выдержать их. Дипломатию? Он её презирает. Экономическую блокаду? Его остров самодостаточен.»

Кавалели сложил руки перед собой, и его голос стал ещё тише, отчего слова приобрели вес гранитных плит.

«Мир стоит на пороге катастрофы. У нас есть субъект, не связанный ни с одним государством и не признающий никаких законов, кроме своих собственных. Он держит в руках силу, способную перековать карту континентов. И мы должны найти способ вырвать эту силу из его рук — пока не поздно. Потому что перед нами не империя. Перед нами — одинокий, обиженный, непредсказуемый бог с очень опасным игрушечным молотком. И он только что понял, что молоток бьёт не так сильно, как он думал. Что он сделает дальше? Укрепит рукоять? Или просто начнёт лупить во все стороны, чтобы доказать, что он всё ещё силён?»

В студии воцарилась абсолютная тишина. Даже опытная Арика на секунду потеряла дар речи, лишь беззвучно открыв и закрыв рот.

«Э... Спасибо, Геннадий Станиславович, за этот тревожный и, безусловно, провокационный анализ. Будем следить за развитием событий. А у нас на этом всё. Новости на «Глобус-24» продолжим в восемь вечера. Хорошего вам дня.»

Камера выхватила последний кадр: Кавалели, уже не глядя в объектив, смотрел куда-то в сторону, его лицо было исполнено глубочайшей, беспросветной усталости. Затем экран погас.

Последние слова Кавалели — «...чтобы доказать, что он всё ещё силён» — повисли в воздухе и были срезаны бодрым прощанием ведущей. Экран почернел, отразив в себе лишь контуры комнаты и две неподвижные фигуры.

Ут щёлкнул пультом, и отражение исчезло. Звук выключился вместе со светом. В кабинете воцарилась та самая тишина, которую так любил Легион. Теперь она была отравлена.

Легион не шевелился. Он стоял, прислонившись лбом к прохладному стеклу, взгляд прикован к огням города внизу. Казалось, он не слышал ни слова. Но Ут, стоявший у стола, знал — слышал каждое.

Несколько секунд молчания, растянувшихся в такую же бесконечность, как ночь за окном, прервал низкий, похожий на скрежет камней голос Ута.

— Они напуганы. Думают, что мы можем уничтожить мир, — он произнёс это без злорадства, как констатируют погоду. — Хотя сами, со своими ядерными арсеналами и вечными играми в сферы влияния, намного ближе к этому. Страх понятен. Мы показываем мощь, которая не подчиняется их правилам. Мощь, которую нельзя купить, украсть или повторить за пять лет. Это пугает любого.

Легион медленно оторвал лоб от стекла. На его месте осталось пятно от дыхания, которое сразу же начало таять.

— Бог... — прошептал он. — Он назвал меня богом. В своей... манере. Я любил слушать его лекции. Он умел объяснять сложное так, что даже первокурсник понимал суть имперского коллапса.

Он повернулся, и в свете настольной лампы Ут увидел не гнев, а странную, леденящую усталость. В его глазах не было огня — лишь плоское, тусклое отражение огней города.

— Не хочу называться богом. Я... ещё не смогу выдержать весь груз, который свалится на меня с этим титулом. — Он сделал паузу, его взгляд упёрся в тёмный экран, будто всё ещё видя там лицо Кавалели. — Хотя... всё к этому и идёт. Логично. Независимая сила, не подчиняющаяся земным законам. Создатель собственного мира. Что ещё, как не бог?

Он говорил не с Утом. Он вёл диалог с призраком профессора, с эхом собственных мыслей.

Уолисс молчал, давая ему договорить. Он видел, как пальцы Легиона бессознательно ищут трещину на рукояти трости. Находили. Замирали.

Затем Ут шагнул ближе.

— Моё мнение — такое же, как у Кварца. Нужно создать оружие. — Его голос звучал без напора, но с той особой, непоколебимой тяжестью, какая бывает только у людей, чьё ремесло — война. — Не для нападения. Для гарантии. Чтобы одна наша винтовка на поле боя означала конец любого сражения до его начала. Сейчас мы только усугубили положение. Бросили своих лучших в мясорубку, подарили врагам трофеи и уверенность. Так не побеждают. Так лишь сеют семена для большего пожара.

Артем закрыл глаза. Рукоять трости хрустнула под пальцами.

— Нет. Исключено. Оружия не будет. Только защита. Только «Щит».

Он открыл глаза и посмотрел прямо на Уолисса.

— Как скоро будет готова первая партия персональных щитов? Для солдат.

Ут коротко выдохнул — не вздох, а именно выдох, скупой и сдержанный. Он не стал спорить. Он уже видел эту стену раньше.

— Не раньше следующего месяца. И это в ущерб Великому Щиту. Мы можем сделать двадцать персональных устройств или ускорить наладку городской системы на неделю. Защита самого Города сейчас важнее. Он — единственное, что у нас есть. Если его коснётся хоть одна ракета... — он осёкся, подбирая слово, — репутацию мы не восстановим никогда.

Он говорил о репутации, но оба понимали: речь о выживании.

Легион снова посмотрел в окно. Молчание длилось долго.

— Ускорьте городской щит, — наконец произнёс он. Голос прозвучал окончательно и бесповоротно. — Персональные — позже. Город важнее. Солдаты... должны продержаться. С имеющимся.

Ут кивнул. Приказ был ясен. Стратегическая ошибка, на его взгляд, была совершена. Но приказ есть приказ.

— Понял. Будет сделано.

Он развернулся и вышел.

Легион остался один. Город внизу сиял — идеальный, беззащитный, прекрасный. Где-то там, за горизонтом, в горах Тулики, ещё умирали его солдаты. А здесь, в этой тишине, зрело семя решения, которое он так отчаянно пытался не принять.

Его мысли обрели форму — хладнокровный внутренний отчёт, лишённый даже намёка на самообман.

Этого не избежать. Федерация и Апостол не дадут нам спокойно жить. Они видят угрозу — они будут давить. Сдерживание не работает. Нужно уметь не только защищаться, но и бить в ответ. Жёстко. Точечно. Особенно если будем искать союзников — им нужно показать не просто крепость, а кулак, способный достать любого обидчика. Но сейчас... сейчас надо выиграть время. Бросить все видимые силы в мирное русло. Пусть думают, что мы зализываем раны.

Он отвернулся от окна. Взгляд скользнул по стерильным поверхностям кабинета, по чёрному стеклу рабочего стола, по голографическим схемам, висящим в воздухе.

Все эти эксперименты шли бы втрое быстрее, если бы Артем не шифровал данные. Если бы делился с учёными нижних рангов. Но нельзя. Предательство у моста — только начало. Без

гарантий, без абсолютной преданности персонала сохранность эссенции будет под постоянной угрозой.

Он взглянул на часы. Время текло неумолимо.

Сегодня совещание с Провиалем. Нужно идти готовиться.

Размышления оборвались так же резко, как начались. Легион отодвинул стул, накиннул на плечи простую тёмную куртку и вышел из кабинета, не оглядываясь.

— Я же говорю, архитектура не выдержит, — Фреско постучал пальцем по схеме, висящей над столом. — Если мы навесим на Демоэта ещё и управление «Щитами» в реальном времени, ядро ляжет. Нужно разносить нагрузку.

— Я могу это исправить, — Кайлай оторвал взгляд от планшета. — Но на это уйдёт больше времени, чем планировалось.

— Значит, нужно найти компромисс, — Кварц говорил ровно, не повышая голоса.

Дверь открылась. Вошёл Легион — без стука, медленнее обычного. Разговор оборвался. Фреско, стоявший ближе всех, машинально выпрямился.

— Продолжайте, — бросил Артем.

Он подошёл к столу, взял стопку бумаг и остановился. Постоянный поток мыслей ушёл на второй план, и Легион начал прислушиваться к разговору. Из-за этого не заметил, что слишком сильно давит на трость.

Она переломилась у самого основания.

Легион пошатнулся, теряя равновесие, — и Фреско рванулся вперёд, подхватывая его под локоть.

В кабинете повисла тишина — густая, неловкая. Артем выпрямился, высвободил руку. Посмотрел на обломок трости, потом на Фреско. В его взгляде не было ни смущения, ни благодарности. Только холодная, усталая решимость.

— Спасибо, — произнёс он. — Надо что-то уже придумать. Это уже пятая за год.

Он опустился в кресло, отбросив обломок на стол. Фреско отошёл на шаг, но остался стоять ближе остальных. Кайлай переглянулся с Кварцем.

— Кстати об этом, — Кварц шагнул к столу. — Пришёл полный анализ с эксперимента. Предателю ампутировали палец, установили протез. Не работал — мёртвый металл. Затем по методике Ута ввели эссенцию низкой концентрации в кровь. И всё заработало.

— Как ты и предполагал после опытов над животными, — добавил Фреско.

— Хорошо, — Легион поднялся, уже без опоры, чуть перенеся вес на здоровую ногу. — Тогда готовьте операцию через две недели.

И, не оглядываясь, захромал к выходу.

Дверь закрылась. Кайлай проводил его взглядом и нахмурился.

— Я, кажется, что-то пропустил. Что значит «эссенция в кровь»? Я был занят Демоэтом, не изучал записи по «Протезу». Объясните в двух словах.

Кварц выдохнул и повернулся к нему:

— Принцип тот же, что и в колбе. Есть «живой модуль» — он поддерживает стабильность эссенции и не даёт ей распасться. В колбе модуль внешний, он же «Печать». В теле человека сам организм становится этим модулем. Эссенцию растворяют в специальном составе с органическими соединениями. Такой раствор вне тела долго не живёт. Но при попадании в кровь организм подхватывает эссенцию и начинает работать как стабилизатор.

— Пока использовали дозировку с концентрацией ноль целых одна десятая процента, — добавил Фреско. — Что будет, если ввести больше, не знает никто. Пока что.

— Планируется ещё один эксперимент? — спросил Кайлай.

Кварц упёрся ладонями в стол.

— Можно и так сказать. Легион решил провести его на себе. Мы все были против, но это его приказ.

Тишина стала другой — напряжённой, звенящей. Риски огромные, и каждый это понимал. Но приказ уже отдан, и спорить с ним никто не станет.

— Все системы в норме. Устройство работает, — прозвучал из динамика ровный, синтезированный голос Демоэта.

— Показатели пациента в норме. Готовность — сто процентов, — отозвался врач за стеклом, сверяясь с мониторами.

— Тогда начнём, — скомандовал Кварц.

Артем лежал на холодной, жёсткой кушетке в стерильной камере. Руки и ноги зафиксированы мягкими, но крепкими ремнями. Малейшее непровольное сокращение могло нарушить ювелирную точность процесса. Он устал. Устал жить с вечной, выматывающей болью. Устал от бесполезного механического протеза пальцев, от трости, которая ломалась по нескольку раз в год.

Всё должно было закончиться сегодня. Сначала — эссенция в кровь. Потом — операция. Сначала нога, затем пальцы.

За стеклом в операционной мелькнула тень Провиала. Его глаза горели нечеловеческим азартом. Ут стоял, скрестив руки, с непроницаемым лицом. Кварц отдавал последние распоряжения.

— Подача эссенции. Пять... четыре... три...

Легион не слышал отсчёта. Он отключился — от мира, от боли, от самого себя. Он был просто сосудом. Очищенным и подготовленным.

Растворённое в специальном составе будущее, холодное и розовое, тонкой струйкой устремилось по прозрачной трубке к катетеру в его вене.

Неизвестный мне город. Пустые улицы, солнца не видно. Где я? Мир совсем без красок, без звуков. Я иду уже долго, и никого вокруг. Не слышно ни шагов, ни ветра, ни собственного дыхания.

Это место напоминает парк. Но... нет ни единого растения. Дорожки, скамейки, урны — всё там, где и должно быть. Даже фонтаны. Только в них нет воды. Серая пыль на дне.

Мне знакомо это место. Будто я посещал его не в первый раз. Может, это сон? Или я сошёл с ума? Или кто-то меня отравил...

Свет — плоский, безжизненный — начал таять. Он не гас, а растворялся в воздухе, как дым. Серые тени поползли по фасадам, сгущаясь в углах пустых улиц. Сумерки. Беззвучные, бесцветные сумерки.

И вместе с ними, из самой глубины этого немого мира, поднялось одно-единственное, примитивное чувство, вцепившееся в горло ледяными когтями: БЕЖАТЬ.

Он открыл глаза.

— Давление в норме. Реакции отторжения нет, — голос Провиала звучал устало, но с явным облегчением. — Артем, вы слышите меня?

— Да.

— Первый этап завершён. Организм принял раствор. Эссенция циркулирует в крови. Теперь — основной этап. Хирургия. Мы начинаем.

Легион закрыл глаза. Теперь — нога. Потом — пальцы.

Следующие часы он не запомнил. Анестезия, холод операционной, тихие команды Провиала, жужжание инструментов. Где-то на периферии сознания — голос Демозта, зачитывающий показатели. Затем — темнота...

Дверь с шипением отъехала в сторону. В операционную вошли трое в белых защитных костюмах, их лица скрывали прозрачные маски. Молча, отработанными движениями, они начали отстёгивать ремни.

Легион медленно сел, опустил ноги на пол. Один из вошедших протянул руку, чтобы помочь ему подняться, но Артем едва заметно качнул головой и выставил ладонь в останавливающем жесте. Тот отступил.

Он встал сам. Чуть покачнулся — тело ещё не привыкло к новому центру тяжести, — но устоял. Сделал осторожный шаг, другой. Пальцы левой руки сжались в кулак и разжались — механический шорох прозвучал неожиданно мягко. Ещё шаг. Увереннее.

Он подошёл к стеклу, за которым угадывались размытые силуэты наблюдателей — врачей, инженеров, членов научной группы. Но сейчас он смотрел не на них. Он смотрел на своё отражение.

Повернул левую руку тыльной стороной вверх, рассматривая тонкие швы там, где живая плоть переходила в механику. Пошевелил пальцами — идеально. Опустил взгляд на ногу — гладкий, матово-блестящий силуэт, элегантно переходящий в бедро. Наступил на неё всем весом. Ни дрожи. Ни боли.

— Отлично... — голос прозвучал тихо. — Я доволен. Выпускайте.

— Вы себя нормально чувствуете, господин Легион? — осторожно спросил один из учёных, всё ещё стоявших у кушетки.

Артем обернулся к нему. Взгляд — спокойный, абсолютно трезвый, без тени наркотного тумана.

— Абсолютно. Мне нужно на открытый воздух.

Он не ждал разрешения. Просто направился к выходу, и группа учёных и врачей, переглянувшись, молча двинулась следом.

Он вышел на улицу и остановился, закрыв глаза. Ветер — лёгкий, тёплый, пахнущий морем и цветущими растениями из недавно разбитого сада у подножия башни — коснулся лица. Солнце припекало совершенно по-летнему, хотя календарь говорил об ином.

Артем опустил взгляд на свою новую руку. Сжал пальцы. Разжал. Ничего. Только работа. Ровная, точная, безупречная работа.

— Что произошло, пока я спал? — спросил он, не оборачиваясь.

Фреско, стоявший у входа, шагнул вперёд.

— Потери в Тулике вышли за рамки дозволенного. Можно попробовать перегруппироваться, но...

— Вывести войска. Полностью.

— Но...

— Без «но». Нужно отступить, пока не погибли все. Мы проиграли. В первый и в последний раз.

Фреско выдержал паузу, потом коротко кивнул:

— Как прикажешь.

Легион развернулся и, не хромя, устремился вперед. Шаг — ровный. Второй — уверенный. Третий — неостановимый. Позади остались хирурги, графики. Впереди — только он сам. Новый. Чужой. Свой.

Зал заседаний Международного Совета в Борикии напоминал огромный стеклянный аквариум. Высокие сводчатые потолки, ряды столов, образующих полукруг, и над всем этим — тяжёлая, давящая тишина, которую нарушал лишь гул вентиляции и редкий шелест бумаг. Со всех сторон — лица. Сотни лиц. Политики, министры, советники, журналисты в специальной ложе. Все они смотрели в центр зала, где за длинным столом, среди дюжины других представителей Легионерии, сидели трое.

Артем — в центре. Слева от него застыл Кварц с идеально прямой спиной и бесстрастным лицом. Справа — Фреско, который единственный из всей делегации не мог найти себе места: он то складывал руки на столе, то убирал их под стол, то принимался крутить ручку, то замирал, глядя в одну точку.

Легион сидел неподвижно. Без трости — она осталась в прошлом, как и хромота. Никто в зале не знал, что под строгим костюмом скрыты механическая нога и пальцы левой руки. Никто не догадывался, что человек, управляющий энергией, способной перекроить карту континентов, теперь и сам состоит из неё.

— И как вы собираетесь существовать дальше? — голос премьер-министра Борикии Оливера Валеосена прозвучал с насмешкой, усиленной акустикой зала. Он даже не встал — так и сидел в кресле, развалившись, поигрывая ручкой. — Так опозориться. Ещё и после всех тех громких заявлений об эссенции, о вашем «идеальном городе». А в итоге — жалкое бегство из Тулики.

По залу прокатился шёпот. Сначала тихий, потом всё громче. В этом гуле тонули любые слова. Кто-то перешёптывался с соседом, кто-то откровенно усмеялся, глядя в сторону делегации Легионерии.

Кварц медленно повернул голову, бросив строгий взгляд на дальние ряды, где сидели представители Единой Федерации. Трое седых политиков, заметив этот жест, лишь громче засмеялись в ответ. Один из них даже похлопал ладонью по столу, изображая аплодисменты.

Артем поднялся. Не торопясь, спокойно, будто не слышал ни смеха, ни шёпота. Он вышел к центральной трибуне. Шаг ровный, уверенный. Только очень внимательный наблюдатель заметил бы, что левая рука чуть иначе ложится на поверхность трибуны — но и это было незаметно.

— Рад, что смог вас всех рассмешить, — его голос прозвучал громко и чётко, перекрывая шум. Ни тени сомнения. Ни грамма дрожи. — В такой ситуации у меня нет оправданий. Неопытность и недостаточность информации о противнике дали о себе знать. Мы сделали выводы.

Он стоял прямо. Руки спокойно лежали на трибуне — левая, с механическими пальцами, была неотличима от настоящей; лишь тонкий шов на запястье, скрытый манжетой, мог бы выдать правду. Глаза смотрели прямо в зал, без малейшего страха. Он не щурился от яркого света ламп. Не отводил взгляд.

Фреско не мог поднять глаз. Он смотрел в стол перед собой, и лицо его дёргалось от едва сдерживаемого напряжения. Пальцы, сцепленные под столом, побелели. Каждое слово, каждая усмешка из зала били по нему сильнее, чем по Артему.

«Мы здесь так опускаем себя, пытаемся оправдаться, чтобы что? — мысли Фреско металась в бешеном темпе. — Чтобы они дальше нас боялись? Не будут. Они уже чувствуют кровь. Сейчас они разрабатывают планы быстрого захвата города, я уверен. На что надеется Легион? Он никому не раскрыл свой план. Выступление не готовил. Слишком самоуверенный. Слишком упёртый».

Он покосился на трибуну. Артем стоял неподвижно, как скала.

«Оружие. Вот что нам надо. Никакие деньги нас не защитят. То, что мы можем купить — несопоставимо с тем, что будут использовать против нас. Нужно собственное вооружение. То, от чего никто не сможет защититься».

Фреско поднял голову, собираясь что-то сказать — и замер. Артем, не оборачиваясь, бросил на него короткий взгляд через плечо. В этом взгляде читалось одно: «Хватит».

— Скажите мне... Артем, — Валеосен произнёс имя с нарочитой, грязной фамильярностью, развалившись в кресле ещё сильнее. Его улыбка была маслянистой, провокационной. Он явно пытался задеть, вывести из себя, заставить сорваться. — Стоит ли нам ждать от вас оружия из эссенции? Этот вопрос тревожит не только наши двадцать восемь стран, но и, смею заметить, весь мир.

В зале стало тихо. Абсолютно. Даже вентиляция, казалось, перестала гудеть.

Артем выдержал паузу. Ровно столько, сколько нужно, чтобы напряжение достигло пика.

— Никогда, — его голос прозвучал тихо, но отчётливо. — Я создал её для добра. И не посмею использовать во зло.

В этих словах не было пафоса. Только холодная, усталая констатация факта. Но Фреско, сидевший за столом, услышал в них то, чего не слышал зал — робость. Сомнение. Защитную реакцию человека, который сам не до конца верит в то, что говорит.

— Ну, даже если мы попробуем поверить вашим словам... — Валеосен сделал паузу и перевёл взгляд на Фреско. Тот сидел красный, как рак. — Но не думаете ли вы, что ваши учёные создадут что-то без вашего одобрения? — министр многозначительно приподнял бровь, глядя прямо на Фреско. В зале снова зашептались.

— Даже не рассматриваю такой вариант, — голос Артема стал жёстче. — Мои подчинённые доверяют мне. А я доверяю им. Поэтому. Для защиты у нас уже всё есть. И...

— Нельзя победить, постоянно защищаясь, — тихо, едва шевеля губами, произнёс Фреско.

Это был шёпот, рассчитанный только на одно ухо. Но микрофоны трибуны, настроенные чутко, уловили его и выплеснули в зал.

Валеосен расплылся в улыбке.

— Что там бормочет ваш верный подчинённый? Мне кажется, он уже придумал план, как нас тут всех поубивать. Или я не прав, товарищ... э-э... как вас зовут? — он демонстративно наморщил лоб, делая вид, что пытается вспомнить. — Впрочем, неважно. — Он махнул рукой. — Передам слово министру обороны Салевонии. Думаю, ему есть что сказать.

Из-за стола поднялся грузный мужчина лет пятидесяти, с квадратной челюстью и тяжёлым взглядом. Его мундир был увешан наградами, а голос, загудевший под сводами зала, наполнил работу камнедробилки.

— Скажу так. Наша страна обладает настоящей, непобедимой армией и флотом. Не картонными солдатами, которые бегут при первых выстрелах, а настоящими бойцами. — Он сделал паузу, смерив Артема взглядом, полным презрения. — Диктовать условия будем мы. Если вы посмеете хоть что-то создать из вашей энергии для атаки — мы примем серьёзные меры. Война гарантирована. Сначала мы, потом вся Единая Федерация. — Он рубанул воздух ладонью. — Вам понятен ультиматум?

Зал затаил дыхание. Это была прямая угроза. Не дипломатическая игра, а удар по лицу.

Легион медленно перевёл взгляд с министра на Валеосена, потом обратно в зал. Его лицо оставалось абсолютно спокойным. Только мышцы на скулах чуть заметно напряглись.

— Естественно, — сказал он. Голос звучал ровно, без единой нотки страха или гнева. Как будто ему только что сообщили прогноз погоды.

Он отступил от трибуны на шаг.

— На этом моё время подошло к концу. — Он обернулся к своему столу, где застыли Кварц и Фреско. — Товарищи, уходим.

И, не дожидаясь реакции зала, не оглядываясь на окрики и начинающийся гул, Артем направился к выходу. Фреско на мгновение задержался, бросив взгляд на Валеосена, — взгляд, полный такой лютой ненависти, что даже охрана у дверей напряглась, — и быстро догнал остальных.

Когда двери за делегацией Легионерии закрылись, зал взорвался голосами. Кто-то смеялся, кто-то возмущённо жестикулировал, кто-то уже строчил заметки в планшетах.

Но Легион этого уже не слышал. Он шёл по длинному коридору, и механическая нога несла его вперёд быстрее, чем когда-то несла живая. В голове пульсировала одна мысль, холодная и ясная, как лёд: *Они сами выбрали этот путь.*

Автомобиль ещё не успел покинуть подземный гараж Совета, а Фреско уже закипал. Он сидел напротив Артема, сжимая и разжимая кулаки, и с каждой секундой молчания его лицо темнело всё больше. Кварц, занявший место у окна, хранил безупречное спокойствие — но даже он, судя по едва заметной складке между бровей, прокручивал в голове варианты.

Тишина лопнула, когда дверь кабинета в башне НИИЛ закрылась за ними троими.

— Они нас ни во что не ставят! — Фреско почти выплюнул эти слова. — Им нужны только деньги и власть. Ради этого они пойдут на всё. Найдут причины, по которым превратят наш город в руины и заберут эссенцию. Щит ещё не готов. Нам нечем защищаться.

— Может, тогда купим у кого-нибудь ядерное оружие? — произнёс Кварц.

Фреско ударил кулаком в стену — глухой, тяжёлый звук прокатился по кабинету — и в два шага оказался вплотную к Кварцу. Лицо его было полно ярости, будто он хотел разорвать всех, кто находился в этой комнате.

— Ну да, конечно. Ведь все нам доверяют! — он схватил Кварца за рубашку, дёрнул на себя. — Любая же страна нам отдаст оружие, которое может уничтожить весь мир! Думай сначала, прежде чем излагать свои тупые мысли!

— Хватит.

Голос Легиона прозвучал тихо, почти буднично. Он стоял у окна, спиной к обоим, и смотрел на огни города. Даже не обернулся. Но этого слова хватило, чтобы воздух в кабинете застыл.

Фреско разжал пальцы. Кварц поправил воротник — медленно, без единого слова.

— У нас ещё есть время, — продолжил Артем. — Оружия не будет. Нужно срочно закончить Щит и защитить город. Тогда ничто его не пробьёт.

Фреско отступил на шаг, но не сдался. Его голос дрожал — не от страха, а от бессильной злости, которую некуда выплеснуть.

— Ну да. Они же постреляют и успокоятся. Скажут: «Ну всё, у нас не получилось, какая досада. Ну извините, мы больше не будем, живите спокойно». Так?

Легион медленно развернулся от окна. Его взгляд, холодный и безразличный, упёрся в лицо Фреско.

И он замолчал.

Прошла минута. Долгая, вязкая, как расплавленный свинец. Для Фреско это была попытка длиной в целую вечность. Он стоял под этим взглядом, чувствуя, как ярость уходит — не рассеивается, а съедается, уступая место простому, отрезвляющему пониманию: он не главный. Не ему решать. Он отвёл глаза и отошёл на пару метров. Плечи опустились.

— Я всегда буду помогать тебе, — проговорил он мягко, почти шёпотом. — С того самого момента, как ты вытянул меня из того проклятого магазина, и по сей день я тебе верю. Твои идеи гениальны. Но...

Он запнулся. По телу пробежала дрожь. Сдерживая слёзы, он обернулся и посмотрел прямо в глаза Артему.

— Пожалуйста, пообещай, что не убьёшь нас всех из-за своих принципов.

В кабинете стало тихо. Так тихо, что слышно было, как ветер трёт стекло снаружи.

Артем никогда не давал обещаний и не клялся. Всё могло измениться — мировоззрение, курс, сама суть вещей. Не меняют мнение только кости в могилах. Но сейчас это было неважно.

— Обещаю. — Он отчеканил это слово громко, резко, как удар молотка по металлу. Все в кабинете невольно отступили на шаг. — Обещаю, никого больше из своих людей не отправлю на верную смерть. Жизнь и так коротка, чтобы ею разбрасываться. Мне нужно подумать.

Он развернулся и вышел, не глядя ни на кого.

Дверь закрылась. Фреско стоял посреди кабинета, опустив руки. Кварц молча смотрел в стену. Никто не знал, что сказать. Никто не знал, верит ли сам Легион в то, что только что произнёс.

Город за окном уже не был стройкой. «Верхний Свет» светился огнями, дорожная сеть работала, даже Стена должна была встать раньше срока. Но проблемы только начинались.

Артем сидел в кабинете, разбирая бумаги. За окном стоял глубокий вечер. Свет настольной лампы выхватывал из темноты стопку отчётов, и он просматривал их один за другим, машинально, без интереса. Где-то на периферии сознания крутилась мысль, которую он никак не мог ухватить за хвост.

Дверь тихо приоткрылась. В проёме возник осторожный, чуть растерянный взгляд — ярко-зелёный, мамин.

— Пап... — тихо, боясь потревожить, позвал мальчик. — Уже поздно, поехали домой.

— Подождите ещё пять минут, пожалуйста, — ответил Артем, не отрываясь от бумаг.

Он не обернулся. Даже не понял, кто спросил. Андрей вздохнул — не обиженно, а как-то по-взрослому, с пониманием — и тихо зашёл, прикрыв за собой дверь.

Он подошёл к большому зеркалу у стены. Рядом стоял маленький стульчик — специально для него. Смотреть на своё отражение было его странным, почти тайным занятием. Все в башне удивлялись этому, но никто не спрашивал. Вдруг что-то изменится? Но не в этот раз. Из зеркала смотрел тот же мальчик, что и вчера. Русые волосы, короткие, аккуратно уложенные в чёлку — такую же, как у отца. Подарок на день рождения. Причёска мечты. Серьёзное лицо — не такое, как у сверстников. Ярко-зелёные глаза — мамыны. Прямая осанка, ровные плечи: отец всегда делал замечания, если видел сутулость. Будущий руководитель должен выглядеть соответственно.

Он рассматривал себя долго, почти изучающе, пока не услышал, как скрипнуло кресло. Артем встал, надел бежевый плащ и жестом позвал сына за собой.

В машине было тепло и тихо. За окнами проплывали огни Легионерии — ровные, упорядоченные, как линии на чертеже. Андрей сидел сзади, болтал ногами и старался вспомнить всё, о чём можно рассказать отцу.

— Папуль, представляешь, я сегодня написал контрольную на девяносто восемь баллов! Лучше всех в классе!

— В чём ошибся? — Артем задал вопрос резко, но без холода — скорее по инерции, как привык оценивать любые результаты.

— Да просто невнимательно прочитал условие. Но такого больше не повторится, я буду стараться лучше! — глаза мальчика светились.

Артем чуть заметно смягчился.

— Это хорошо. Глупые ошибки недопустимы. — Он помолчал, будто колеблясь. — Ладно, на выходных посмотрим шахматные задачи. Если справишься — может, и не придётся увеличивать нагрузку.

Андрей кивнул, но радость в его глазах уже угасла. Он опустил голову и начал тихо постукивать пальцем о палец — привычка, появлявшаяся, когда ему было страшно. В салоне повисла пауза. Долгая. Наполненная чем-то невысказанным.

— Пап... — мальчик заговорил тише, почти шёпотом. — А может, мы всё-таки вернёмся к старым занятиям? Я подумал... не хочу я быть руководителем целой страны. Мне больше по душе быть бизне... бизне... бизнесменом, вот.

— Это уже в прошлом, — Артем ответил спокойно, без раздражения. — Я говорил тебе не раз: простой бизнес закончился. Теперь в наших руках судьба целого народа. Да что там народа — целого мира.

— Не хочу... — Андрей сжался в комочек, глядя в пол. — Не хочу решать проблемы мира. Они нас не любят. Зачем мне их любить?

Артем бросил быстрый взгляд в зеркало заднего вида. На секунду задержался на отражении сына — маленького, упрямого, такого серьёзного. Что-то дрогнуло в груди. Не боль — скорее тень боли, воспоминание о том, какой она бывает.

— Упёртость — хороший навык, — произнёс он тише, чем собирался. — Только используешь ты его не там, где нужно. Ничего. Я и не ждал, что ты поймёшь сейчас. Через пару лет — может быть.

Мальчик тяжело вздохнул, выпрямился и посмотрел на отцовский затылок. Помолчал. Потом набрался смелости.

— Я всё понял. Я не маленький. — Он выпрямил плечи, совсем как отец. — Раз я будущий правитель... можно спросить?

— Спрашивай.

— Почему... у нас есть эссенция, которой нет ни у кого, а мы её боимся использовать? Дядя Кварц сказал по секрету, что у нас могут её отобрать. Так почему не использовать её для защиты? Ты же сам говорил: лучшая защита от палки — это палка побольше. Может, нам сделать... ну, что-то вроде пушки? Чтобы все боялись.

Артем не ответил. Не сразу.

Сначала он просто продолжал вести машину. Потом его пальцы на руле — живые и механические вместе — начали сжиматься. Медленно. Крепче. Ещё крепче. Протез тихо скрипнул.

Он плавно нажал на тормоз. Машина мягко остановилась у обочины, а не замерла с визгом — и в этом было что-то почти пугающее, потому что Артем никогда не останавливался посередине дороги.

Двигатель тихо гудел. За окнами — темнота и редкие огни. В салоне — тишина, нарушаемая только тихим дыханием мальчика.

Артем обернулся. Не резко — медленно, как будто преодолевая сопротивление воды.

Он посмотрел на сына. Андрей сидел прямо, смотрел в ответ — без вызова, но и без страха. Ждал.

И на лице отца проступило то, чего Андрей никогда раньше не видел. Не гнев. Не холод. Смятение. Где-то в глубине глаз, за слоем всегдашнего льда, что-то дрогнуло и раскололось.

Тишина длилась долго. Артем смотрел на сына — и не видел его. Он видел себя. Прежнего. Того, кто когда-то верил, что можно построить мир без трещин. Того, кто обещал никогда не создавать оружие. Того, чьи обещания теперь лежали под ногами, как осколки разбитого зеркала.

«Даже он это понял. Даже он».

Мысли потекли медленно, тяжело. Не поток — а вязкая, густая масса. Голоса Фреско и Кварца звучали в голове, но теперь к ним добавился третий — детский, искренний, не понимающий, почему взрослые не делают того, что кажется таким очевидным.

«Значит, не прав здесь только я. Я — последний, кто ещё держится за этот самообман».

Он посмотрел на свою левую руку — на механические пальцы, сжимающие спинку сиденья. Потом снова на сына.

— Я тебя завезу домой, — сказал он. Голос прозвучал тихо, почти хрипло. Не было в нём ни крика, ни приказа. Только усталость. — И поеду обратно. Ничего больше не спрашивай.

Он отвернулся. Помедлил секунду — и мягко тронул машину с места. В салоне снова стало тихо. Только тихий стук пальцев Андрея — палец о палец — и ровный гул двигателя.

Артем смотрел на дорогу. В голове больше не было голосов. Только одна мысль — ясная, холодная, окончательная.

«Надо действовать. Срочно».

Полночь накрыла Легионерию густой, почти осязаемой тишиной. Огни «Верхнего Света» мягко мерцали, отбрасывая на стены кабинета длинные, размытые тени. Где-то далеко внизу, в парке у подножия башни, ветер шевелил кроны деревьев, но здесь, на верхнем этаже НИИЛ, звук не проходил сквозь толстое стекло. Только тихое гудение приборов напоминало о том, что город жив.

Вся верхушка Легионерии собралась в кабинете. Фреско сидел, подавшись вперёд, и нервно постукивал пальцами по столу — он уже догадывался, о чём пойдёт речь, и в его глазах горел мрачный огонь предвкушения. Кварц, напротив, застыл с идеально прямой спиной, но даже его выдержка дала едва заметную трещину: он то и дело поправлял манжету рубашки, хотя она была в полном порядке. Ут стоял у стены, скрестив руки, и его каменное лицо не выражало ничего — но именно это спокойствие и выдавало напряжение. Кайлай опустил голову и смотрел в стол, будто пытался найти ответ в полированной поверхности.

Провиаль сидел отдельно, у самого края. Его пальцы сжимали угол какой-то старой, исписанной от руки схемы, и он то и дело поглядывал на Легиона с тревогой, которую не пытался скрыть.

Артем стоял у панорамного окна, спиной к ним, и молчал. В стекле отражались огни его города и их напряжённые лица. Он видел их всех — и не видел никого. Мысли текли медленно, тяжело, как расплавленный металл.

Наконец он заговорил. Голос прозвучал тихо, но в абсолютной тишине кабинета его услышал каждый.

— Когда мы отказались от прежних имён, мы сделали это не ради секретности. Мы сделали это, чтобы похоронить прошлое. Чтобы всё, что тянуло нас назад — страхи, сомнения, привязанности, — исчезло вместе с теми людьми, которыми мы когда-то были. — Он обвёл взглядом комнату, и его глаза на секунду задержались на каждом. — Вы это приняли. Каждый из вас закопал свою прежнюю жизнь и пошёл дальше. Кроме меня.

Он отошёл от окна и медленно приблизился к столу.

— За мной всё это время тянулся хвост. Последнее напоминание о том глупце. Единственное обещание, которое я держал. От моих открытий больше никто не должен был умереть. — Он положил руку на спинку кресла, и механические пальцы чуть сжались, оставив едва заметную вмятину. — Я держался за это, даже когда каждый из вас видел правду. Даже когда доказательства были очевидны.

Он поднял взгляд.

— От правил этого мира нельзя скрыться даже на острове. Эссенция должна была спасти жизни. Но спасти души можно, только обменяв их на другие. Иного пути нет. И сегодня я объявляю окончательную цель Легионерии. Мы создадим на этом острове идеальное общество. Без вражды, без ненависти, без бедных и несчастных. И ради этой цели я разрешаю применять любые меры.

Он помолчал, давая сказанному осесть в сознании каждого, и закончил:

— Идеи и наброски у вас уже имеются. Я хочу их услышать.

В кабинете воцарилась тишина — тяжёлая, свинцовая, как воздух перед грозой. Фреско и Кварц обменялись короткими взглядами, и в них читалось мрачное, почти угрюмое удовлетворение. Ут не пошевелился. Кайлай сжал кулаки под столом.

И тогда поднялся Провиаль. Он опёрся руками о стол, и его голос, обычно резкий и напористый, зазвучал хрипло, с надрывом.

— Артем... Не надо этого. — Он закашлялся, прочищая горло. — Ты же понимаешь, это дорога в один конец. Я видел цифры. Я знаю, на что способна эссенция в нестабильной фазе. Но одно боевое применение — и с нами перестанут говорить. Вообще. Навсегда. Никаких переговоров, никаких союзов. Только страх и изоляция. Ты готов взять на себя эту ношу? — Он перевёл дыхание и добавил тише, почти умоляюще: — Это глупейшая ошибка.

Артем не ответил сразу. Он развернулся и медленно подошёл обратно к панорамному окну. Руки за спиной, пальцы сцеплены в замок — поза, уже ставшая частью образа бесчувственного стратега. Она говорила громче любых слов. Решение принято.

Но, прежде чем заговорить, он задержал взгляд на собственном отражении. Там, за стеклом, стоял человек, которого он сам создал — без прошлого, без слабостей, без права на ошибку. И этому человеку предстояло произнести слова, после которых дороги назад уже не будет.

Он сглотнул.

— Легко стать жертвой обстоятельств. — Голос дрогнул в самом начале, но выровнялся к концу. — Легко быть тем, кого уничтожили, растоптали, вычеркнули. Ты просто лежишь в земле и ни о чём не думаешь. Жертва ни за что не отвечает. — Он повернулся к ним, и лицо его было спокойным, как поверхность замёрзшего озера. — Трудно быть тем, кто решает. Трудно быть Богом. Каждый выбор — это чья-то смерть или чья-то жизнь. И этот груз нельзя сбросить. Нельзя оправдаться. Нельзя сказать: я просто выполнял приказ.

Он обвёл их взглядом.

— Я делаю этот выбор. И я понесу этот груз. А вы понесёте свой — вместе со мной.

Никто не произнёс ни слова. Провиаль медленно опустился в кресло, его плечи поникли. Фреско смотрел на Легиона с выражением, в котором смешались страх и почти благоговение. Ут коротко кивнул — едва заметно, но этого было достаточно.

В эту ночь последняя нить, связывающая Легиона с его прошлым, была не просто разрезана. Она была сожжена дотла. Последняя капля эмоций уничтожена без надежды на восстановление. И когда часы показали три утра, а собравшиеся начали расходиться, город за окном продолжал сиять — но теперь его свет казался другим. Более холодным. Более резким. Как лезвие...

Три месяца работа не прекращалась ни днём, ни ночью. Лаборатории Нижнего сектора превратились в конвейер: чертежи, расчёты, прототипы, провалы, снова расчёты. Провиаль почти не спал, его халат окончательно потерял всякий цвет, а на столе рядом с терминалом скопилось батарея пустых чашек из-под кофе. Кварц разрывался между стройкой, управлением городом и контролем над оружейным проектом. Фреско лично курировал полигон.

Первые образцы прошли тесты и встали на конвейер. Эти ракеты не взрывались в привычном понимании. В них не было взрывчатки, не было осколков, не было ударной волны

в классическом смысле. Они несли в себе стабилизированный сгусток эссенции — ту самую субстанцию, которую научились сдерживать «живым модулем» в колбах, только теперь этот модуль был настроен не на удержание, а на мгновенное, разрушительное высвобождение.

Для испытаний выбрали заброшенное село в пустынной части континента. Ни жителей, ни свидетелей, ни спутников над головой — Демозт рассчитал орбиты всех аппаратов наблюдения, и в нужный момент над квадратом не было ни одного. Легион прибыл лично. Он стоял на наблюдательном пункте — бетонном бункере в трёх километрах от эпицентра, — и смотрел на экран, куда транслировалась картинка с дронов.

— Начинайте, — произнёс он.

Оператор нажал кнопку.

На экране вспыхнуло розовое зарево — яркое, ослепительное, на мгновение залившее весь кадр. Дроны зафиксировали кратковременный скачок излучения, а затем — ничего. Просто ничего.

Когда свечение рассеялось, на месте села было чистое поле. Ни домов, ни деревьев, ни дороги — только идеально ровная, как после хирургической операции, поверхность земли. При попадании ракеты эссенция распределилась в радиусе семиста метров и просто испарила всё, до чего прикоснулась. Не сожгла, не раздробила — а заставила исчезнуть, будто этого никогда и не существовало. На два метра вглубь земля превратилась в гладкий, спекшийся минерал, лишённый всякой органики, словно кто-то вырезал кусок реальности и заменил его пустотой.

В бункере стояла тишина. Кто-то из инженеров выдохнул — не то восхищённо, не то испуганно. Фреско смотрел на экран расширенными глазами. Ут уже делал пометки на планшете.

Легион молчал. Его лицо не выражало ничего. Ни удовлетворения, ни ужаса, ни триумфа. Только холодная, математическая оценка результата. Он смотрел на чистое поле там, где только что была точка на карте, и думал об одном: этого хватит. Хватит, чтобы закончить войну до её начала.

Осталось только презентовать это миру. Мешал ультиматум. Но, изучив противника, Артем сделал вывод: одного применения будет достаточно.

Утро ещё не успело толком начаться, а Фреско уже вошёл в кабинет — быстрым, чеканным шагом, без стука. Его лицо было сосредоточенным, но не взволнованным. Он ждал этого.

— Салевония объявила о начале военной операции по принуждению к разоружению. Официально. Их флот уже в море.

В кабинете находились Кварц и Ут. Они не удивились. Этот план обсуждали несколько недель назад — тогда же, когда утверждали размещение пусковых установок в Миране. Кварц поднял голову от планшета и коротко кивнул: он уже отслеживал передвижение вражеских кораблей. Ут стоял у стены, скрестив руки, и молча ждал команды.

Легион сидел за столом. Он не изменился в лице.

— Значит, время пришло. Пусковые?

— Готовы, — ответил Кварц. — Семь ракет, две цели: правительственный квартал и военный штаб. Координаты подтверждены.

Дверь снова открылась. Вошёл Провиаль — торопливо, тяжело дыша. Его халат был помят, седые волосы растрёпаны. Он явно не спал всю ночь. За ним, чуть замешкавшись, проскользнул Кайлай.

— Артем... — голос Провиалья дрожал. — Я знаю, что ты задумал. Ты не можешь этого сделать.

— Могу.

— Ты не дослушал. — Старик шагнул ближе. — Я знаю цифры. Я видел, что эти ракеты делают с материей. Там, в правительственном квартале, не только военные. Там люди. Обслуживающий персонал, водители, секретари. Обычные люди. А вокруг — жилые дома, магазины, школы. Ты понимаешь, что будет?

Он остановился в шаге от Артема и посмотрел на него снизу вверх — старый учёный, всю жизнь посвятивший науке, теперь стоял перед своим величайшим учеником и не узнавал его.

— Я стар, Артем. Я пережил две войны. Я хоронил учеников, коллег, друзей. И я говорю тебе не как подчинённый — как человек, который видел, что остаётся от городов, когда в них попадает даже обычная бомба. То, что создали мы — это не бомба. Это конец. Ты хочешь быть первым, кто такое применил?

В комнате стало тихо. Слышно было только дыхание Провиала — неровное, свистящее.

Артем мягко, но твёрдо положил ладонь на его плечо.

— Ты научил меня многому, Винстон. Но сейчас — не время для уроков.

Он повернулся к Кварцу:

— Запуск.

Слово прозвучало буднично, как команда «продолжайте».

Ракеты ушли в небо семью росчерками. На каждой был закреплён миниатюрный Щит — та самая технология, которую Ут когда-то предлагал только для защиты. Теперь она защищала оружие. Попытки перехвата были зафиксированы на третьей минуте полёта — и провалились. Ничего не могло пробить розовую сферу. Все семь достигли целей.

В кабинете молча смотрели на экраны. Спутниковые камеры показывали, как правительственный квартал и военный штаб исчезают в розовом зареве. Ни взрывов, ни огня. Только вспышка — и пустота.

Через три часа президент Салевонии выступил по всем каналам. Его лицо было серым, голос срывался. Он объявил о немедленном прекращении военной операции и запросил мирные переговоры. Ещё через час раздался звонок.

Легион поднял трубку. Разговор длился две минуты. Он слушал, изредка кивал. Затем произнёс:

— Я прибуду завтра для обсуждения условий. — Пауза. — И ещё. Если ваше ПВО не смогло сбить наши ракеты, значит, любое оружие против нашего Щита бесполезно. Не пытайтесь организовать покушение. Это бессмысленно.

Он положил трубку и обернулся к команде:

— Завтра мы летим в столицу.

Никто не улыбнулся. Никто не поздравил. Только Фреско выдохнул — долгий, неровный выдох, в котором смешались облегчение и ужас...

Самолёт приземлился в Салевонии на следующее утро. Легиона сопровождала небольшая делегация: Фреско, Кварц и четверо гвардейцев. У трапа их встретили представители правительства — бледные, с трясущимися руками. Артем не подал им руки.

— К эпицентру, — сказал он коротко. — Я хочу увидеть.

Кортеж двинулся через город. Сначала — уцелевшие кварталы, где на улицах было пусто, а в окнах не горел свет. Потом — окраина зоны поражения, где стёкла выбило ударной волной, но здания ещё стояли. А потом дорога кончилась.

Дальше был только пепел. И пустота. И тишина.

Артем вышел из машины. Его шаги — ровные, без единой запинки — зазвучали по спекшейся земле. В воздухе стоял запах, которого он никогда раньше не чувствовал: смесь гари, озона и ещё чего-то — сладковатого, тошнотворного. Спасатели в защитных костюмах поднимали из-под завалов носилки. Где-то кричала женщина — долгим, нечеловеческим криком, который то затихал, то начинался снова.

Он шёл мимо груды бетона, которая когда-то была жилым домом. Мимо обгоревшего остова автомобиля. Мимо того, что когда-то могло быть вещью — маленькой, детской, — а теперь было лишь оплавленным комком, лишь отдалённо напоминающим очертания туфельки.

Он остановился. Посмотрел на этот комок. На то, как ветер пытается шевелить его край, но не может — он прикипел к земле.

Ничего. Ни боли, ни сожаления, ни горечи. Только тишина внутри.

«Если бы не мы, Легионерия выглядела бы так же».

Мысль была холодной и ясной. Не оправдание — констатация. Эти люди не виноваты. Им просто не повезло. Они — цена. Цена свободы его города. И он готов её заплатить.

Он смотрел на оплавленный комок ещё несколько секунд. Затем развернулся и зашагал обратно к машине. Кортёж тронулся. В салоне всё ещё пахло гарью. Легион смотрел прямо перед собой. Его лицо было спокойным. Как у человека, который только что перешёл черту и даже не заметил.

Экран ожил. Студия «Глобус-24» — те же холодные сине-стальные тона, та же ведущая Арика Сомова, но лицо её сегодня было не просто бледным — на нём застыло выражение, какое бывает у людей, только что увидевших катастрофу и ещё не успевших подобрать нужные слова.

«Добрый вечер. Всего за пять часов Салевония проиграла войну. — Она на секунду запнулась, пробегая глазами по суфлёру. — По нашим данным, семь ракет Легионерии поразили две цели в её столице: правительственный квартал и здание военного штаба. Оба объекта полностью уничтожены. Серьёзно пострадали прилегающие жилые кварталы. Точное число жертв уточняется, но уже сейчас известно: погибли более ста двадцати депутатов и членов правящей партии, министр обороны Салевонии и весь его аппарат. Среди мирного населения — более трёх тысяч погибших, в том числе свыше четырёхсот детей».

На экране за её спиной замелькали кадры с дронов: ровные, как после хирургической операции, кратеры на месте зданий, серый пепел, носилки, спасатели в защитных костюмах.

«Это зверское нападение, и оправдания ему не будет. — Арика выдержала паузу. — Какой ответ предпримет Единая Федерация, и будет ли он вообще? Об этом нам расскажет аналитик, доктор исторических наук и бывший преподаватель Миранского университета Геннадий Кавалели. Геннадий Станиславович, вы в прямом эфире».

Камера переключилась на знакомое лицо. Кавалели сидел в той же студии, что и в прошлый раз, но теперь он не был мрачен. Он был взбешён. Его густые брови сошлись на переносице, очки сползли на кончик носа, а пальцы нервно постукивали по столу.

«Спасибо, Арика. — Он резко выдохнул. — Ну что ж, скажу сразу: ответ маловероятен. Практически невозможен. И я объясню почему».

Он подался вперёд, к камере.

«В Салевонии стояли передовые системы противовоздушной обороны. Одни из лучших в регионе. И весь интернет сейчас завален видео, на которых видно, как эти системы абсолютно бесполезны против ракет Легионерии. Потому что на каждой ракете установлен так называемый "Щит" — та самая технология, которой прикрыт и весь их проклятый остров. Вы видели цифры: ни один зенитный комплекс не смог пробить эту защиту. Ни один!»

Он снял очки и принялся яростно протирать их краем рубашки.

«А теперь внимание. Легионерия уже объявила — официально, через свои каналы, — что весь город накрыт таким же Щитом. Возможно, даже мощнее. Это значит, что любой удар

по острову бессмыслен. Вы потратите ракеты, самолёты, жизни пилотов — и не нанесёте им ни царапины. Но это ещё не всё».

Он надел очки и ткнул пальцем в камеру.

«Президент Салевонии Шалемиран, который сейчас, кстати, неизвестно где — не то в бункере, не то уже подписывает капитуляцию, — передал слова Легиона мировому сообществу. Я цитирую по памяти, но смысл такой: любая попытка нанести физический вред острову приведёт к массированному удару по многим странам Единой Федерации. Не по одной. По многим. Вы это понимаете? Он угрожает не ответным ударом — он угрожает ковровой зачисткой. И после того, что мы видели в Салевонии, я бы на месте руководства Федерации отнёсся к этим словам предельно серьёзно».

Он откинулся в кресле и развёл руками.

«Поэтому я и говорю: ответа не будет. Руководители Единой Федерации, при всех их недостатках, не настолько бесчеловечны, как Артем Холодов. Они не позволяют убивать собственное население ради политических амбиций. Санкции — вот максимум, чем они ответят. Можете записать это и проверить через неделю».

Арика попыталась вставить вопрос, но Кавалели не дал ей говорить.

«И знаете, что самое страшное? Я же предупреждал. Вот на этом самом канале, полгода назад, я говорил: уничтожьте его остров, пока не поздно. Вырвите у него эту силу любыми средствами. Самыми аморальными, самыми невыносимыми — но вырвите! Потому что, если вы этого не сделаете, он начнёт диктовать условия всему миру. И что? Меня никто не послушал. Все думали: ну, профессор, ну, нагнетает. А теперь пожинайте плоды. Теперь этот сумасшедший с розовой энергией в руках показал, что его оружие работает. И следующего раза может не быть — просто потому, что следующего раза он не допустит».

Он перевёл дыхание и закончил уже тише, но с ещё большим напором:

«Легиона нужно остановить. Любой ценой. Пока он не решил, что весь мир — это одна большая Салевония».

В студии повисла пауза. Арика, явно ошарашенная, попыталась вернуть контроль над эфиром.

«Спасибо, Геннадий Станиславович, за ваш, как всегда, прямой анализ. — Она повернулась к другой камере. — А тем временем приходят новости с другого фронта. Под прямой угрозой атаки со стороны Легионерии все отряды «Воя Господа» были выведены с территории Тулики. Фактически это означает конец военной операции, которая длилась несколько месяцев. — Она помолчала. — Мы будем следить за развитием событий. Оставайтесь с нами».

Экран погас. Ут, сидевший рядом с Легионом за столом, откинулся на спинку стула.

— Ну и какой вывод? Мы сделали лучше или хуже?

— Посмотрим, — без всякого интереса ответил Артём.

Дверь открылась, и в кабинет вошёл Фреско. Его лицо было непривычно спокойным — таким, каким бывает море после шторма.

— Президент Тулики передал благодарность. Войска Апостола покинули регион. Они хотят обсудить торговлю оборудованием и эссенцией. Ждут тебя завтра.

— Хорошо, — Артём кивнул. — Завтра — значит завтра.

Фреско переглянулся с Утом и вышел, прикрыв за собой дверь.

В кабинете остались только двое.

Долгое молчание. За окнами — ночь, огни «Верхнего Света», тихое гудение города, который теперь не был беззащитным.

Ут поднялся, подошёл к окну и встал рядом с Легионом. Они оба смотрели на город, ради которого только что был стёрт с лица земли кусок чужой столицы.

— Я помню, как ты стоял у Вавилона и смотрел на розовую сферу, — произнёс Ут негромко. — Тогда ты сказал: «Она не хочет, чтобы её заставляли. Она хочет, чтобы ей позволили быть». Ты думал, что нашёл с ней общий язык.

— Я и нашёл, — ответил Артём. — Просто язык оказался другим.

Он поднял левую руку — ту, что теперь была механической, — и посмотрел на пальцы. Они сжались в кулак. Разжались. Работа — ровная, точная, безупречная.

— Теперь тебя можно назвать Богом, — тихо сказал Ут.

Артём ничего не ответил. Он смотрел на город и молчал. Где-то внизу, в порту, рабочие заканчивали погрузку первой партии колб — его дара и его проклятия новому миру.

— Я не Бог, — наконец произнёс он. — Я просто тот, кто перестал обманывать себя.

Он отвернулся от окна, взял со стола папку с отчётами и сел в кресло.

Ут постоял ещё несколько секунд, потом коротко кивнул — то ли самому себе, то ли чему-то, что осталось за окном, — и вышел.

Легион остался наедине с тишиной, огнями, городом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.